

ТИПИЧНАЯ МОДЕЛЬ СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ В УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

Основным критерием доказательства родства языков обычно являются регулярные фонетические соответствия, восходящие к общему источнику – праязыку. Кроме них в определении родства важную роль играет морфологическое, лексическое и синтаксическое сходство. Родство финно-угорских языков, в угорскую ветвь которых входят два обско-угорских языка и венгерский язык, тоже установлено на основе таких критериев. Однако из них, как нам кажется, недостаточное внимание уделено синтаксическим соответствиям.

Грамматика трех угорских языков по причине их разного исторического развития разработана в разной степени. Это, на наш взгляд, привело к тому, что аналогичные синтаксические конструкции в них квалифицированы по-разному.

В связи с этим мы в своем сообщении рассмотрим типичную модель словосложения, характеризующую, на наш взгляд, все три угорских языка, т.е. венгерский, мансийский и хантыйский языки.

Все они обнаруживают сложные слова, вторым компонентом которых выступает сомоним ‘глаз’. (Венг. *szem*, хант. *сѐм*, манс. *сам*.) Данная лексема в них имеет еще целый ряд других значений.

Венгерский *szem* ‘орган зрения’ обозначает еще: семена хлебных и бобовых культур, плоды растений с гроздьями; часть; крупинка, крупица; петля (в рукоделии); почка, глазок (растения); одну единицу из серии одинаковых предметов и т.п. Ср. венг. *zabszem* ‘овсяное зернышко’, *babszem* ‘бобок, боб’, *szőlőszem* ‘виноградинка’, *mákszem* ‘маковое зернышко’, *gyöngyszem* ‘жемчужное зерно; бисеринка’, *láncszem* ‘звено цепи’, *ablakszem* ‘квадратик окна’, *sószem* ‘крупинка соли’, *homokszem* ‘песчинка’, *porszem* ‘пылинка’, *hálószer* ‘ячейка сети’.

В хантыйском языке *сѐм* кроме основных значений 1. глаз; 2. зрение обозначает: 1. петля; 2. ячея; 3. орех; 4. семя; 5. ягода; 6. капля; 7. искра; 8. кусочек (Соловар, 2006 : 256).

В мансийском *сам* I 1. крупинка; 2. зерно; 3. крошка; *сам* II ‘глаз’ (Ромбандеева-Кузакова, 1982: 103).

В обско-угорских языках, т.е. в хантыйском и мансийском встречаются аналогичные модели словосложения со вторым компонентом словом *сам* /*сѐм*. Ср. м. *витсам* ‘капля’ < *вит* ‘вода’ ~ х. *йи̋п сѐм* ‘капля воды’ < *йи̋п* ‘вода’, м. *колас сам* ‘зерно’ < *колас* ‘мука’ ~ х. *л,ант сѐм* ‘семя’ < *л,ант* ‘мука’, х. *ка̋л,і сѐм* ‘капля крови’ < *ка̋л,і* ‘кровь’ ~ м. *кѐ̋лр-сам* ‘vércsepp’ (капля крови) (Munkácsi, 523) < *кѐ̋лр* ‘кровь’; м. *пă̋квсам* ‘кедровый орех’ < *пă̋кв* ‘шишка’ ~ х. *нохэр сѐм* ‘орех’ < *нохэр* ‘шишка’, м. *няня̋нпумсам* ‘семя’ < *няня̋нпум* ‘колос’ ~ х. *ня̋нь сѐм* ‘зерно’ < *ня̋нь* ‘хлеб’, м. *пилсам* ‘ягодка’ < *пил* ‘ягода’ ~ х. *во̋ньцэмэт сѐм* ‘ягодка’ < *во̋ньцэмэт* ‘ягода’, м. *раквсам* ‘дождевая капля’ < *ракв* ‘дождь’ ~ х. *йѐрт сѐм* ‘капля дождя’ < *йѐрт* ‘дождь’, м. *саксам* ‘бисеринка’ < *сак* ‘бусинка’ ~ х. *сă̋к сѐм* ‘бусинка’ < *сă̋к* ‘бисер, бусы’ ~ в. *gyöngyszem* 1. жемчужина, жемчужное зерно; 2. бисерина, бисеринка < *gyöngy* ‘жемчуг, бисер; бусы’, м. *сыртэп сам* ‘крупинка’ (Ромбандеева Е.И. 2005, 119) < *сыртэп* ‘крупа’ ~ х. *кўрпа сѐм* ‘крупинка’ < *кўрпа* ‘крупа’, м. *сэ̋йсам* ‘песчинка’ < *сэ̋й* ‘песок’ ~ х. *сэ̋й сѐм* ‘песчинка’ < *сэ̋й* ‘песок’ ~ в. *homokszem* ‘песчинка’ < *homok* ‘песок’, м. *тӳуйтсам* ‘снежинка’ < *тӳуйт* ‘снег’ ~ х. *л,о̋ньц сѐм* ‘снежинка’ < *л,о̋ньц* ‘снег’, м. *уусмасам* ‘сетка, ячея’ < *усма* ‘сеть’ ~ х. *хол,эп сѐм* ‘ячея сети’ < *хол,эп* ‘сеть’, но ср. м. *khulp-sam* ‘hálószer’ (Munkácsi, 523) ~ в. *hálószer* ‘ячея сети’ < *háló* ‘сеть, сетка’. Редкие модели, не имеют параллели в обоих обско-угорских языках, что, видимо, объясняется маленьким объемом существующих двуязычных словарей. Ср. х. *тў̋т сѐм* ‘искра’ < *тў̋т* ‘огонь’ ~ м. *сӳлтум* ‘искра’, хотя в статье В.Н. Соловар приводится мансийское *най сам* ‘искра’ < *най* ‘огонь’ (Соловар-Дубасов, 2006 : 98), м. *пă̋льсам* ‘град’ < *пă̋ль* ‘иней’, м. *пунсам* ‘пушинка’ < *пун* ‘пух’.

Очевидно, что в каждую из этих моделей второй компонент ‘глаз’ вносит значение ‘малая часть, доля, единица того, что выражено первым, главным компонентом’. Ср. песок → песчинка, бусы → бусинка, снег → снежинка, кровь → капелька крови, сеть → ячейка, т.е. одна из множества ячеек сети, дождь → дождевая капля, т.е. капля дождя, шишка → орешек, т.е. одна частичка из шишки, пыль → пылинка, соль → крупинка соли и т.п. Значения ‘семечко, почка, глазок’, а также ‘одно из звеньев однородных предметов’ входят в этот же семантический ряд. Вторичное значение слова *глаз* ‘круглый, маленький предмет как часть единица целого’ в данных моделях словосложения связано и вытекает из его первичного, исходного значения.

Е.И. Ромбандеева -*сам* вместе с -*суп*-, -*сов*-, -*тарс*-, -*тар*-, -*овл* трактует в разделе «Морфологии» среди суффиксов субъективной оценки и называет их словами-суффиксами, т.к. они этимологически возводимы еще к знаменательному слову (Ромбандеева, 1973 : 73).

В хантыйском языке такие синтаксические конструкции никак не

Касаясь этимологии *сазан*, исследователи реконструировали пратюркскую форму **саазан* и прабулгарскую **шааран*. Если тюркское происхождение ихтионима *сазан* не вызывает споров, то *шааран* подвергается различной трактовке, вплоть до попыток объяснения на собственно славянской почве, например, на базе слова *шар* ‘круглое тело’ [Лебедева Е.А., 1986: 154]. Р.Г.Ахметьянов возводит слово к древнетюркскому **саргаң* ‘сазан’ [Эхмэтьянов Р.Г., 2001, 167].

При морфологическом анализе праформы **сазан*/**шааран* тюркологи выделяют суффикс -*ан*, который некоторые, например Д.С.Сетаров, определяют как уменьшительно-ласкательный суффикс, другие, например Е.А. Лебедева, связывают с тюркским *ан* ‘животное’, считают аффиксом именного словообразования, часто встречающимся в названиях животных. Интересны наблюдения М.Бакирова об *ан*. Исходя из того, что в тюркских языках *ан/ан* сохранилось в значении ‘животное’ а слово *анѝ* в древнетюркском имело значение ‘охотник’, он приходит к выводу, что *ан* означало лишь диких животных. Этот элемент, характерный для названий диких животных, в дальнейшем стал постоянным. Например, *болан*, *елан*. Названия священных, жертвенных рыб также образуются с помощью *ан*: *корбан* ‘лещ’, *табан* ‘карась’, *сазан* [Бакиров М., 2001: 257-258].

Корневую основу *сааз*- Г.Рамстедт сближает с *сааз* ‘бледный’. Исходя из того, что рыба эта золотисто-желтого, зеленоватого цвета, можно предположить, что название дано по цвету рыбы. На наш взгляд, это маловероятно. Д.С.Сетаров, Ш.В.Нафиков корневую морфему сближают с *саз* ‘болото’ [Сетаров Д.С., 1987: 10; Нафиков Ш.В., 1997: 69]. Таким образом, *сазан* – животное-житель болота. Если учесть, что излюбленное место обитания сазана – затопленные в прошлом поля и луга, заросшие водоемы, эта версия может быть правдоподобной. Можно также согласиться с гипотезой, основанной на семантическом сходжении *сазан* и *сазаган*. У тюрков слово *сазаган/саруган* имело значение ‘дракон, крылатый змей’ и сохранилось в ряде тюркских языков: каз. *сазаган*, баш. *һазаган*, тат. *аҗаган*. Корень *саза*- имеет также значение ‘долгожитель’. Е.А.Лебедева считает, что «существует генетическая связь между пратюркским **саз*- (>*сазаган* дракон и пр.), **шаар* (>*Шарукан* и пр.) и **сааз* (>*сазан*), **шаар* (>*шаран*)». К названию рыбы, по ее мнению, подходит семантическая модель «долгожитель» [Лебедева Е.А, 1986: 156]. На наш взгляд, эта гипотеза правдоподобна. В научно-популярной литературе имеются сведения о достигших 100, 200 лет сазанах. Ныне ихтиологами установлено, что они живут 40-45 лет [Сабунаев В.Б., 1970: 88; Нафиков Ш.В., 1997: 70]. Если учесть, что некоторые рыбы живут всего 6-8 месяцев, то сазаны – настоящие долгожители.

Как известно, в тюркской мифологии и исторической поэтике большую роль играл культ сазана. Он известен со времен гуннов. Сувары также носили амулет с изображением сазана. И во времена Булгарского государства, Казанского ханства сазан был священным, представлялся мифическим существом, охраняющим границы государства [Бакиров М., 2001: 260-261]. В мифологии рыбы также рассматривались как защитники границ и природных богатств племени. Например, в татарской мифологии таковым является чуртан ‘щука’ [Гыйльманов Г., 1999: 178]. Возможно, будет интересным изучение ихтионима *сазан* на базе тюркской мифологии.

Название рыбы карп – объекта прудового хозяйства имеет греческое происхождение. А.Г.Преображенский связывал его с доарийско-европейским *carpa* [Преображенский А.Г., 1959: 338], М.Фасмер с *karpo*, *carpfo* и относил к заимствованиям от древневерхненемецкого [Фасмер М, 1986: 672]. По мнению А.С.Герд, слово праславянского происхождения [Герд А.С., 1968: 19]. В языке работников рыбного хозяйства эту рыбу называют еще *су дуңгызы* ‘букв. морская свинья’. Она, как свинья, ест все и быстро набирает вес. По мнению Ш.В.Нафикова, эта особенность и легла в основу номинации [Нафиков Ш.В., 1997: 71]. По мнению К.Меркульевой, рыба получила такое название по характеру нахождения пищи [Меркульева К., 1959: 79].

Таким образом, рыба *сазан* имеет название тюркского происхождения. Ихтионим *сазан* употребляется во многих тюркских языках, характерен для монгольских и русского языка. Слово исторически делится на две части: на корневую морфему *саз*- и на элемент -*ан*. Рыба могла быть названа по семе «место обитания» или по семе «продолжительность жизни». В современном состоянии языка ихтионим рассматривается как корневое слово, и образует названия подвидов.

Литература

Эхмэтьянов Р.Г. Татар теленен кыскача этимологик сүзлеге / Р.Г.Эхмэтьянов. – Казан: Татар. кит. нѣшр., 2001. – 272 б.

Аксаков С.Т. Записки об уженъе / С.Т.Аксаков. – М., 1847. – 165 с.

Бакиров М.Х. Шигърият бишеге: гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм иң борынгы формалары / М.Х.Бакиров. – Казан: Мәгариф, 2001. – 343 б.

Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С.Гиляров. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 864 с.

Брем А. Жизнь животных. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 960 с.

Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии (на материале русских научных названий рыб): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.С.Герд. – Л., 1968. – 27 с.

Даль В. Толковый словарь: в 4 т. / В.Даль. – М., 1882. – Т. 4. – 683 с.

Дамдинов Д.Г. О названиях рыб в монгольских языках / Д.Г.Дамдинов // Исследования по лексике калмыцкого языка. – Элиста, 1981. – С. 102-106.

Дунай Ф. Суда балык йльзэдер / Ф.Дунай // Ватаным Татарстан.– 2001.– 15 май.

Котов В.В. О современном положении и нуждах прудового хозяйства в Казанской губернии. Доклад В.В.Котова / В.В.Котов. – 9 с.

Лебедева Е.А. Заметки по истории чувашских названий рыб // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка.: Чебоксары, 1986. – С. 152-158.

Лукин А.В. Рыбное хозяйство в Татарии и перспективы его развития / А.В.Лукин. – Казань: Татгосиздат; Ред. Научно-технической лит., 1952. – 108 с.

Меркульева К. Су асты мажаралары / К.Меркульева / Тәрж. Н.Мәжитова, З.Мәжитов. – Казан: Татар. кит. нәшр.. 1959. – 116 б.

Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 1. – 720 с.

Нафиков Ш.В. Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке (синхронная и сравнительная характеристика): дис. ... канд филол. наук / Ш.В.Нафиков; Ин-т истории, языка и литературы.– Уфа, 1986.

Нафиков Ш.В. Ыу буйында балыксы / Ш.В. Нафиков. - Өфө: Башкортстан кит. нәшр., 1997. – 176 б.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А.Г.Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – Т. 1. – 1959 с.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А.Г.Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – Т. 2. – 1284 с.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М.: Иностраннй язык, 1957. – 254 с.

Рузский М.Д. Бассейн реки Свияги и его рыбы / М.Д.Рузский. – Казань: Тип. ун-та, 1887. -67 с.

Сабунаев В.Б. Кызыклы ихтиология / В.Б.Сабунаев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1970. – 275 б.

Сетаров Д.С. Тюркизмы в русских названиях рыб / Д.С. Сетаров // Советская тюркология. – 1987. - №10. – С. 10-17.

Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар / Г.Гыйльманов хикәяләвендә.– Казан: Татар. Кит. нәшр., 1999. – 432 б.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н.Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. - 444 с.

понять». *Кантăкне ан ус, атту Катъă ўкет* «Окно не открывай, а то Катя выпадет».

Союз *та/те* «и» употребляется для обозначения последовательности, результата действий или явлений. Ср., *Но ҫав хошăрах киле кисе те – мана алантараппăн хĕлле* «Но в то же время приехал домой и – меня женить хотят зимой». *Вăрçă вăхăтĕнче окоп чавама ярçĕс те пере, эп ҫанта орана сусăрлантарса килтĕм* «Во время войны нас отправили копать окоп, и я там поранила ногу».

В сундырском говоре верхового диалекта противительными союзами, соединяющими части сложносочиненных предложений являются русские союзы *а, но*; чувашизированный вариант русской частицы *только толькă* и союз *атту* «а то».

Как и в литературном языке, верховом диалекте предикативные части сложносочиненных предложений связываются соединительным союзом *та/те* «и».

Кроме того, сундырский говор не примечателен тем, что простые предложения в сложносочиненные соединяются разделительными союзами (*е-е, те-те, пĕр-пĕр* и др.). Можно встретить сложносочиненные предложения с русским разделительным союзом *или*, например: *Ман кĕте каймалла пайан, или эс кайатн-и?* «Мне надо сегодня пойти пасти скот, или ты пойдешь?»

Диалектной особенностью (в нашем случае, сундырский говор верхового диалекта) чувашских сложносочиненных предложений является то, что вместо сочинительных союзов могут выступать и такие частицы, как *уш* «уж», *ăшшă* «еще», которые употребляются для усиления значения того слова, после которого они стоят; *вăт, вăтти, вĕт* «ведь, же» – для указания результата того, о чем говорится в предыдущем предложении.

Следует отметить, что в сундырском говоре верхового диалекта в сложносочиненных предложениях частицы *вĕт, вăт, вăтти, уш, хăть, ăшшă, толькă* переходят в союзы.

Литература

1. В целом в статье использованы материалы книги Каниковой А.С. Чувашская диалектология: Учебное пособие. – Чебоксары, 2004.
2. Русская диалектология. – М., 1973.
3. Сергеев Л.П. Чăваш диалектологийĕ: Вĕренÿ пособийĕ. – Шупашкар, 1997

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Под диалектом понимают разновидность данного языка на определенной части территории, занятой этим языком, характеризующаяся, помимо черт, свойственных всему языку в целом, также некоторыми своими специфическими чертами. Говором обычно называют самую мелкую, далее неделимую разновидность языка [Русская диалектология: 1973, 5].

В настоящей статье рассматриваются сложносочиненные предложения сундырского говора верхового диалекта чувашского языка. Как отмечает А.С. Канюкова, сундырский или северо-западный говор – это говор чувашей, живущих на северо-западе, юго-западе, вверх по Волге от города Чебоксар. Кроме сундырских чувашей, к носителям северо-западного говора относятся моргаушские чувашки. Этот говор для ученых представляет большой интерес, так как в нем сохранились древние особенности чувашского языка [Канюкова: 2004, 89–90]. Кроме того, исследователь чувашской диалектологии Л.П. Сергеев замечает, что синтаксис чувашских диалектов не был достаточно изучен [Сергеев: 1992, 25].

В сундырском говоре верхового диалекта в отличие от литературного языка, в структуре сложносочиненных предложений широко пользуются русскими сочинительными союзами *а, но*. Ср., *Эпёр сире шотсёр кётрёмёр, а эсёр килме шотламан та* «Мы вас очень ждали, а вы и не подумали даже приехать» (здесь и далее все примеры приведены из разговорной речи). *Аппш ёна сёмах калаппшён полч, но вёл итлемерё те* «Отец хотел ему что-то сказать, но он и не слушал».

Для соединения предикативных частей сложносочиненного предложения часто используют слова *вёт* «ведь», *уш* «уже, уж», *хать, хёт* «хоть», *тожё* «тоже», *вёт* «вот», *тольккă* «только», *атту* «а то», *ну, аппшă* «еще», *восьу* «вовсе», *простă* «просто», *конешно* «конечно», *сначчăт* «значит» и др. Их позиция в сложных предложениях может быть разная. Если, например, частица *вёт* «ведь» ставится в начале предложения, то приводится мотивировка того, что содержится в предыдущем предложении. Эта частица имеет не только соединительную, но и усилительную функцию. Ср., *Вёт каларăм сана сёматă тăхăнса кай тесе, итлемерён* «Ведь сказала же тебе, чтоб ты надела валенки, не послушалась». *Вёт вёл ватă сын, ёна хисеплемелле* «Ведь он старый человек, его надо уважать».

Союз *уш* «уж» в говорах употребляется для усиления, выделения того слова, члена предложения, после которого он ставится. Например, для обозначения уступки прежнему решению или его изменению. При этом перед *уш* бывает усилительная частица *-ах (-ех)*. Ср., *Кайах уш, эп тытса чарийас сок сана* «Иди уж, я не в состоянии удержать тебя». *Отмăл олтта кётём уж, чон сашлах сармăк* «Шестьдесят шестой пошел уже, душа все же молода».

Союз *хать* «хоть» используется для обозначения желательности того, о чем говорится в предложении. Ср., *Сав Ленан сак орайне суса тохас хать, хăнасам килессё* «Лене той хоть этот пол вымыть бы, гости придут».

Союз *аппшă* «еще» служит для обозначения усиления значения того слова, после которого он стоит. Ср., *Пайан апай пере икерч пёсерсе ситарап тит аппшă, серн апай ун пак мар* «Сегодня мама хочет нам блины испечь еще, ваша мать не такая».

Союз *вёт, вётти* «ведь, же» употребляется для указания результата того, о чем говорится в первом предложении. Ср., *Мёлле шор сём тен эс, шор тём исе килме хошнă вётти эс, эп шор тём исе килтём* «О какой белой шерсти ты говоришь, ты же велела белую глину привезти, я ее привез».

Союз *тольккă* «только» употребляют для обозначения противопоставления тому, о чем говорилось раньше. Ср., *Маçак каласа панăччё йал историне, тольккă эп халь вёсех манса кайнă* «Когда-то дед рассказывал, бывало, историю деревни, только я все позабыл сейчас».

Союз *атту* «а то» также выражает противопоставление. Ср., *Анланмаллах кала, атту пёр сёмахне те анланмалли сок* «Отчетливее говори, а то ни одного слова нельзя

РОЛЬ ЧУВАШСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ
В ВОСПИТАНИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Предки чувашей — потомки одного из древнейших объединений тюркоязычных племен, пришедших с Центральной Азии, обосновавшихся в Среднем Поволжье, создавших государство — Великую Болгарию, становившихся из кочевого народа земледельческим. Традиционным общераспространенным занятием чувашей было пашенное земледелие. Исстари занимались они хлебоделством, животноводством, пчеловодством, охотой, рыбной ловлей, изготовлением одежды, обуви, орудий труда, предметов домашнего обихода, транспортных средств, кулеткачеством и др.

Современные чувашки — народ в Российской Федерации, титульная нация Чувашской Республики, президентом которой с декабря 1997 г. является Николай Васильевич Федоров. В настоящее время чувашки живут и на территории бывшего СССР: Урало-Поволжья — Татарстане, Башкортостане, Самарской, Ульяновской, Саратовской, Оренбургской, Свердловской областях; в Сибири — Тюменской, Кемеровской областях, Красноярском крае и т.д.(см.таблицу).

Численность чувашского населения в микрорегионах Российской Федерации в 1970 и 1989 гг.				
Микрорегионы	1970 (тыс.чел.)	1989 (тыс.чел.)	В% ко всем чувашам России (1989 г.)	Доля горожан (1989 г.)
На территории бывшего СССР (всего)	1694,4	1842,3	-	50,8
Российская Федерация (всего)	1637,4	1773,6	100,0	49,8
Втом числе:				
Поволжье	1251,7	1339,3	75,4	46,2
Урал	198,6	185,4	10,4	51,5
Центральная и южная Россия	24,2	53,8	3,0	73,8
Северо-Запад	20,4	35,8	2,0	83,8
Западная Сибирь	75,0	93,9	5,3	67,0
Восточная Сибирь	48,1	47,8	2,7	58,2
Дальний Восток	14,6	21,4	1,2	76,4

Предки чувашей были прирожденными этнопедагогами, о чем свидетельствуют произведения устного народного творчества, в частности пословицы и поговорки. Многие чувашские пословицы и поговорки, возникшие в незапамятные времена, сохранились до сих пор. Они выражают миропонимание наших предков, их жизненный уклад, чаяния, пути формирования и развития, экономику, культуру.Из поколения в поколение старшие прикладывали немало усилий для воспитания достойных для своего времени сыновей и дочерей, потомков высокой нравственной культуры, оставляли наставления и советы последователям. Их первая заповедь — воспитать настоящего человека: *Лайăх, аслă, кăмăллă сын пурне те юрăхлă* «Хороший, умный и приветливый человек всем пригож». *Сын сиккитне ан сик* «Не подражай прыжку других». *Ыр сын выласен ят юлат* «Добрый человек умрет — слава останется».

Непреложными правилами прадедов были (ими руководствуются и современные чувашки): Учиться, учиться, учиться: *Вёренни — сұтă, вёренменни — тёттём* «Ученье — свет, неученье — тьма». *Аса ачаран пух, сырма пёчкрен вёрен* «С детства набирайся ума, с малых лет приучайся писать».

Любить труд: *Ёс сынна мухтава кăларать* «Труд человека прославит». *Ёслемесен, пурнăс пымасьт* «Без труда не нажить состояния». *Йывăр хуйха ёс сёклет* «Работа горе рассеет».

Уважать старших: *Ватти сук пулсан — латти сук* «Нет старого, нет порядка». *Ватă сынтан ан кул, ху та ватă пулăн* «Не смейся над старым, и сам будешь старым». *Ватă патёнке ватă пул, сармăк умёнке сармăк пул* «Около старого будь старым, около молодого будь молодым».

Уметь слушать и слышать: *Ваттисен халапё харам сёрте выртман* «Речи старшего бесполезно не валяются». *Авалхи сынсем калани чăнах* «Что говорили в старину, то правда». *Ватă ятламасан сармăк ўсмест* «Без порицания старших молодежь не разовьется».

Жить в дружбе и согласии с окружающими людьми: *Пур сёмйен пёр канаш пултăр, пёр ял халăхё тўрё пурăнтăр* «Все семьи должны жить в согласии, односельчане должны жить дружно». *Ют сынна ют сын тату пурăнни аван* «Хорошо, если дальние люди живут дружно». *Ялта, мирне, халăхна пёрле* «Сдеревней, миром, вместе с народом».

Иметь свою голову: *Сын кусси кусса карта хушишине хёсёнке юлән* «Если будешь бегать чужой побежкой, то между пряско увязнешь». *Сын юррине ан юрла* «Не пой чужую песню». *Кашини сыннан хийён пушён пулмалла* «У каждого человека должна быть своя голова».

Не кичиться, не зазнаваться: *Сын мухтанайшан ан хёпёрте* «Не радуйся тому, что тебя хвалят». *Сын кушёнчи сўппе ан пәх, ху кушәнти пёренене кәлар* «Не обращай внимания на соринку в чужом глазу, вынь бревно из своего глаза». *Туман сын ёмёртен мухтанать* «Кто ничего не делает, тот вечно хвалится».

Не красть: *Начар пул та вәрә ан пул* «Хоть беден, но не будь вором». *Вәррән пурнәсё малалла каймасть* «Воровством не разживешься». *Вәррән пуш тўпинчен пәс тухать* «У вора из макушки пар идет».

Не быть жадным, корыстолюбивым: *Кушна курнине пурне те аләпа тытаймән* «Невозможно объять всего, что видишь глазами». *Пур пёрле, сук сурмалла* «Что есть — вместе, что нет — пополам». *Сәкәр-тәвар пулсан хура вырәс та пәлеш* «Имея хлеб-соль, породнишься и с простым русским человеком».

Быть гостеприимным: *Килен-каяна кёртсе сәкәр-тәвар ситерсе яр* «Пришлого человека пригласи в дом и угости хлебом-солью». *Шәнса килнине ашәтса яр, высса килнине тәрантарса яр* «Согрей озябшего, накорми голодного». *Сәкәр-тәвар хире хирёс* «Хлеб и соль взаимны».

Не осуждать других: *Сынна әс-хакәлне пәлмесёр ан хурла* «Не осуждай человека, пока не узнал его разума». *Сынтан куличчен малтан хәвәнтан кул* «Чем насмехаться над другими, смейся над собой». *Сынна ытла ан кала, хәвна та лекё* «Не говори другому лишнего, достанется и тебе».

Не обманывать: *Пёрре улталән, иккё улталән, вишсёмёшёнче ларса макәрән* «Один раз обманешь, два раза обманешь, на третий раз сам заплачешь». *Суяпала пур сёре те ситён, каялла таврәнаймән* «Кривдой дойдешь куда угодно, но назад не вернешься». *Суйнине пуйни пуша янә* «Из-за лжи и богатства голову погубил».

Быть честным, правдивым: *Тёрёслёх хёвелтен те сүтәрах* «Правда светлее солнца». *Тёрёслёхне хәюләх йёкёреш* «Правда и смелость близнецы». *Түрө пурәннине нимән те ситмест* «Ничего не может сравниться с честным поведением».

Быть смелым, храбрым: *Хәюләх — этем суначё* «Отвага — крылья человека». *Хәюсәр сын высә вилнё* «Несмелый человек умрет от голода». *Хәравсәпа вәрсә синчен ан канашила, сутакаппа улуш синчен ан канашила* «Струсом не советуйся о войне, с торговцем — об обмене вещами».

Беречь здоровье, молодость: *Сывләх — пурләх* «Здоровье — богатство». *Самрәк ёмёр иккё килмест, әна лайәх ирттерес пулат* «Молодость дается только один раз, следует разумно ее провести». *Самрәкән тәкё сәмәл, әсталла сил, вәл унталла* «У молодых перья легкие, куда ветер, туда и они летают».

Быть аккуратным, чистоплотным, опрятным: *Тухсан та, кёрсен те аләка хупса сўре* «И при выходе, и при входе затворяй за собой дверь». *Ура тәпелте салтакан ырә сын пулман* «Кто разувается в передней части избы, тот не станет порядочным человеком». *Кивё пулсан та шура пултәр* «Хоть ветхое, но должно быть чистым».

Найти свое место в обществе: *Сын синче сын пек пул* «В людях будь как человек». *Лайәх сыннан сәхман аркинчен уртән, усал сыннан ура йёрё сине те ан пус* «Старайся уцепиться за подол кафтана доброго человека, не ходи по следу дурного человека». *Ялан әсна сўресен ялти ватә ятламасть* «Если будешь вести себя разумно, то сельский старец не станет тебя порицать».

Быть славным защитником родины: *Сул сўреме сатур кирлө, вәрсә вәрсма паттәр кирлө* «В пути нужны отважные, на поле брани нужны богатыри». *Кайәк вёссе ситмен сёре салтак ситсе курать* «Солдаты побывают и там, куда птицы не залетают». *Паттәрән пушё выртнә, тараканән йёрё выртнә* «Храбрый голову сложил, беглец след проложил».

Современные чуваши воспитывают своих потомков в труде, ибо труд создает настоящего человека, уважающего семью, родителей, товарищей, друзей, окружающих, прививают им любовь к родине и народу.

Это подтверждается и тем, что народы Среднего Поволжья (чуваши, татары, башкиры, марийцы, мордва) живут в согласии и дружбе, несмотря на незавидные жизненные условия в эпоху перестроек и кризисов.

Литература

Ваттисен сәмахёсем, каларәшсем, сүтмалли юмахсем. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. 2-мёш кәларәм.— Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004.— 351 с.

Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа // Сб. ст. / ЧНИИ.— Чебоксары, 1984.— 118 с.

Краткая чувашская энциклопедия.— Чебоксары: Чуваш.кн.изд-ви, 2001.— 528 с.

Культура и быт низовых чувашей // Сб.ст./ ЧНИИ.— Чебоксары, 1986.— 104 с.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ. V том. Вак жанрсем.— Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1984.— 352 с.

3. Рамазанов Ш. Татар теле буенча очерклар/ Ш.Рамазанов. — Казан: Татгосиздат, 1954. — Б. 127-129.

4. Сафиуллина Ф.С. Хәзерге татар әдәби теле.Лексикология./ Ф.С.Сафиуллина. — Казан: Хәтер, 1999. — Б. 36-51

5. Сәгыйтов Р. Татар теле синонимиясендә гарәп-фарсы алынмалары / Р.Сәгыйтов // Мәгариф. — 1992. - № 10. — Б. 22-23.

6. Ханбикова Ш. Синонимы в татарском языке. Автореф.дис....канд. филол. наук.—/ Ш.Ханбикова — Казань , 1962. — 22 с.

7. Ханбикова Ш. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр /Ш.Ханбикова. — Казан: Тат.кит.нәшр., 1980. — 280 б.

8. Ханбикова Ш., Сафиуллина Ф. Синонимнар сүзлеге / Ш.Ханбикова, Ф.Сафиуллина — Казан: Хәтер, 1999. — 256 б.

ырылдашканы – *саләмләшкәне*, а в варианте *Этнең ырылдашканы – исәнлишкәне*; Яхшыны асылын сорама, яманның *нәселенә* карама в варианте *Яманның токымына* бакма и т.д.

Выявлено, что синонимы из разных языков в некоторых случаях способствуют появлению дублетов и это помогает избежать тавтологии (Һәр гашиыйкның *мәгъшукасы* бар, һәр Мәҗнүннең үз Ләйләсе бар или *Сөйгәнемнең* күңеле өчен, сөймәсемне сөямен). Они иногда дополняют друг друга, передавая тот или другой оттенок значения слова, тем самым способствуют точному выражению мысли (*Көн күрмәгән көн күрсә, көндөз чыра* яндырыр; *Шәм* төбә караңгы булыр, *Уйның нуры* баш тарту белән юк була (13460); *Уттан* соң су кирәкми; *Ялкыннан* качып кузга төшкән). Они появляются в языке из потребностей разграничения, дифференцирования понятий за счет заимствований.

В паремиях встречаются заимствования, которые в языке-источнике имеют смысловые различия, а в татарском языке употребляются как абсолютные синонимы: персидское *бакча* обозначает «маленький сад, садик, клумбу», а лексема *бостан* «сад». Однако в паремиях они имеют одинаковое значение: *Бакча* байлык – бер айлык, *бер айдан соң* җиде айлык и *Бостан* байлык – бер айлык.

Среди слов-синонимов имеются и такие, которые образованы лишь фонетическим способом. В татарском языке это особенно заметно между арабскими словами и их татарским вариантом. Например, *гакыл* - *акыл* «ум, разум», *газап* - *азап* «страдание», *кыйбат* – *кыйммәт* «дорого», *нәфес* – *нәфсе* «алчность, страсть, желание» и другие. *Акыл* яшьтән чыгар, асыл таштан чыгар; *Гакыл* буй белән үлчәнми; *Батырның ризыгы* җирдә; *Азыкның* яхшысы - *эзер булганы*.

В ходе исследования замечано, что арабские и персидские заимствования образуют синонимический ряд и со своими диалектными вариантами (*хәстә* – *каста*, *рыскал* – *ырыс*, *хольк* – *кылык* и т.д.): *Кастага* татлы да ачы и *Алайдыр, болайдыр, фәләндер, төгәндер, хәстәдер, комыктыр, кунадагы токмактыр, дөньяга да чыкмактыр*).

В исследуемом материале нашли отражение и однокоренные синонимы, образованные от арабских (*сабырсыз* - *сабыры юк* «нетерпеливый», *хөрмәтлә* - *хөрмәт ит* «уважай») и персидских (*хурлык* - *хур булу* «опозориться», *патша* - *падиша* - *падишаһ* «правитель») основ. Например, *Патша* ерак, алла биек, кемгә зарың сөйләрсен; *Һаваланма, падишаһым, синнән дә олысы бар*.

Как в литературном языке, так и в языке фольклора полная синонимия - явление редкое, и подавляющее большинство синонимов и квазисинонимов различаются денотативными и коннотативными компонентами значений, прагматикой. Наличие хотя бы одной дифференциальной семы в значениях синонимов определяет возможность их контрастивного противопоставления в речи. Такое употребление синонимов встречается и в паремиях, которые условно составляют такие группы: 1) контрастность между фонетическими синонимами, образованными от одного арабского корня; 2) контрастность между контекстуальными синонимами. В первую группу входят лексемы *акыл* - *гакыл*; *исәп* – *хисап*; *хәрәм* – *әрәм*, которые употребляются в одном паремии, способствуют созданию рифмы, состоят в отношениях условия и результата, предположения и результата: *Урынсыз газап – үзеңә азап*; *Хәрәмнеке әрәмгә*; *Исәпкә* кермәсә, *хисапка* кермәс и т.д.

Синонимы второй группы в контексте паремий взаимодополняют друг-друга, в то же время, противопоставляя и выражая разные оттенки семантики лексемы, обеспечивают сжатость и отточенность мысли: *Гомер* - *әҗәт*, *үлем* - *бурыч*; *Нәселен* белмәгән – *нәсәпсез* булыр и т.д.

Таким образом, наши исследования подтверждают, что в синонимии татарского языка большую роль играют и арабско-персидские заимствования, усвоенные с древнейших времен и активно употребляющиеся по сей день. Широкое распространение заимствованной лексики, а именно - арабизмов и фарсизмов, в религии и ее обрядах, книжно-литературном мире, искусстве, быту и т.д. обусловило наличие разноязычных слов-синонимов и в паремиях. Эти лексемы расширяют ареал употребления паремий, помогают избежать тавтологии и создают варианты паремий, тем самым способствуя их распространению, активизируя в речи употребление и арабизмов, и фарсизмов.

Проведенный анализ синонимов в языке татарских паремий позволяет сделать вывод о том, что, именно арабизмы и фарсизмы активны как в литературном татарском языке, так и в татарской устной речи. Использование лексикографических источников по татарскому языку показало, что функционирование в паремиях совпадает с их употреблением в живой народной речи как в фонетическом плане, так и в лексико-семантическом. Они используются в паремиях во избежание тавтологии и при создании рифмы.

Литература

1. Әхәтов Г.Х. Татар теленең лексикасы/ Г.Х. Әхәтов. – Казан: Тат.кит. нәшр., 1995. – Б. 17-26.
2. Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре./ Н.Исәнбәт Өч томда. Т.1. Казан: Тат.кит.нәшр., 1959.- 913 б.; Т.2. 1963.- 959 б.; Т.3. 1967.- 1013 б.

Викторин Виктор Михайлович
(г.Астрахань)

БУЛГАРСКАЯ «БОЛЬШАЯ СВЕЧА» («АСЛӐ СҮРТА», «ЗУР ШАМ») В АГРАРНЫХ РИТУАЛАХ У «НЕКРЕЩЕННЫХ» ТАТАР И ЧУВАШЕЙ («ЯЗЫЧНИКОВ», ТЕНГРИАН) НА ИХ НИЗОВОЙ ГРАНИЦЕ В ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВОЛГИ

В предшествующих исследованиях нам уже приходилось обращаться к вопросам алтаистики, в т.ч. взаимосвязей этнокультур и конфессиотрадиций у родственных и «сродственных» этносов, в частности, Поволжья – Нижнего и Среднего, а также Приуралья [Викторин: 1995, 61-63; др.]. Это тем более интересно и важно, поскольку в этнической истории Средневожья ещё не вполне ясно соотношение финно-угорского субстрата, гунно-булгарского влияния и затем монгольского, сопряжённого тюрко-кыпчакского проникновения. Отразились эти непростые процессы и в сфере верований и представлений, структуре этноконфессиогрупп в чувашской и татарской этнолингвистических общностях, динамичном пограничье между ними.

Общий тюрко-монгольский образец религии, в бытовой и в пережитой «государственной» формах (обычно обозначаемый как "тенгрианство" – Л.Н. Гумилёв, О.О. Сулейменов, "тенгрийство" – С.Г. Кляшторный), нашёл выражение и в доживших до современности, уже во многом синкретичных, традиционных верованиях Средневожья и Приуралья: среди чувашей (т.н. «истинная, начальная вера» - "чӑн чӑваш тӗнӗ", с почитанием "Аслӑ Турӑ" ,"Хӗвел-Турӑ" ,"Пӗртен пӗр Турӑ" ,"Сӗлти Турӑ" и др. эпит.), менее – у их татароязычных соседей.

Так, «старая чувашская вера» была многократно описана, исследовалась и продолжает изучаться с конца XVIII и по нач. XXI вв. (Г.Ф. Миллер, А.А. Фукс, В.К. Магницкий, В.Н. Майков, Е.А. Малов, Г.Т.Тимофеев, А.И. Емельянов, Н.И. Золотницкий, Н.В. Никольский, Н.И. Ашмарин, а также Н.И.Воробьёв, П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, Н.И. Егоров, Б.В. Каховский, М.Н. Юхма (Ильин), А.П. Хузангай, В.П. Иванов, Г.Е. Кудряшов, Н.С. Попов, Е.В. Попова, А.К. Салмин, Е.А. Ягафова, О.П. Вовина, Х. Гюндёз, И.Л. Ленский, В.Г. Родионов, Г.Р. Столярова, Л.А. Тайманов, В.Р. Филиппов, Э.В. Чемышев и мн. др.).

Меньше известно и хуже изучено татароязычное «некрещенство» («язычество»), ещё лет 200-250 тому назад прослеживаемое на обоих берегах Волги, а ранее, видимо, и по всей Казанской губернии (с разных позиций его наличие и специфику затрагивали К.Н. Насыров-Насыри, И.М. Софийский, Н.И. Воробьёв, И.Г. Максимов, Д.М. Исаков, С.Г. Кляшторный, Л.Ш. Арсланов, Р.Г. Ахметьянов, Н.Ю. Альмеева, Р.Н. Безердинов, М.С. Глухов-«Ногайбек»). Ныне татарское «некрещенство», «тенгрианство» (если не учитывать группу интеллектуалов из среды традиц. мусульман в г. Набережные Челны) выражено лишь только именно в чувашском приграничье, двух селениях правобережного, Кайбицкого района Татарстана.

Здесь, на рубежах юга Чувашии с неск. р-нами Татарстана и Ульяновской обл., существует 7 чувашских селений с частично «некрещенским» (чув. "тӗне кӗмен", точнее, по мнению Е.А. Ягафовой, – "чукӑнман", соотв. тат. "чукуймаган") населением – до 3-5 тыс. чел. Видные деятели чувашской культуры и искусства активно и почти каждый год посещают их. Заинтересовались этим необычным явлением и учёные, писатели из далёкой Турции (Х. Гюдёз и др.).

Населённых пунктов с исключительно «некрещёнными» жителями теперь уже нет (по крайней мере, с 90-х гг. XIX в.) – лишь их отдельные кварталы, улицы, вкрапления. Не случайно эта местность чаще всего была исходной для др. чувашско-«некрещенских» ареалов – образованных с XVIII в. беглыми от религиозных преследований семей и целых селений – в частности, самарско-приуральского и западносибирского.

Но имеются ещё два села – татароязычные, на территории Кайбицкого р-на Татарстана, глубоко вдающегося на карте в пределы Чувашии и окружённого её территорией. Здесь проживает до 20-ти тыс. (10-15% населения р-на) т.н. «молькевских» («подберёзинских», «кайбицких») крышен, татар-православных, связанных с чувашами и зачастую знающих их язык, оригинальных по своей субэтнокультурной традиции. Но среди них же, единых по диалекту и фольклору выделяется совсем маленький (в пределах 200 чел.) пласт нехристан-«язычников», с парадоксальным названием по-русски «некрещёные крышены» (тат. "чукуймаган көрәшеннәр"). Они проживают в окраинном с. Старое Тябердино ("Иске, Ырым Тәрбит") и небольшом соседнем с. Камылово ("Камыл").

Данная «некрещенско-татарская» подгруппа связана с соседними чувашами ещё сильнее – конкретно с чуваше-«некрещёнными» семьями из дер. Байбахтино ("Виç Пұрт, Өч Изба, Трѣх-Изба") Красноармейского р-на Чувашии (по 200-300 чел. из «некрещённых» семейств в каждом случае).

СИНОНИМЫ В ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЯХ

Между этими селениями (Байбахтино и Ст. Тябердино с Камыловом) напрямую, через границу республик – 23 км и в старину жители постоянно ездили друг к другу на подводах. Немало было и «одноконфессионально-межэтнических (меж-тюркских)» браков. Тем более, что и байбахтинские чувашаи «низовой» ("анатри") группы, обычно ещё с детства хорошо знали один из диалектов языка своих соседей-татар. Необычными оказывались лишь на всегда отдельных, с особой погребальной обрядностью, «некрещенских» кладбищах имена и отчества умерших: «русского» (кряшенского) типа – у татароязычных женщин в Байбахтине и либо «старочувашского», либо «татарского» – у чувашек, переезжавших в Ст. Тябердино - Камылово.

Татароязычный кайбицкий ареал летом 1993 г. изучала большая экспедиция отдела этнологии Ин-т яз, лит-ры и ист. им. Г.Г. Ибрагимова АНТ во главе с Д.М. Исхаковым [Молькеевские кряшены: 1993]. Рассматриваемые же чувашские населённые пункты летом 2005 г. посетили известные исследовательницы средневолжского «некрещенства» – проф. Е.А. Ягафова (г. Самара) и канд. ист. наук Е.В. Попова (г. Ижевск) [Ягафова: 2007, 59, 61, 75-79]. К сожалению, как одна, так и другая группы учёных «не пересекли границу» между двумя адм.-терр. и этнич.-разноязычными пространствами, потому проблему связей «некрещёных» татар и чувашей глубоко не затронули.

Совершил в эту местность свои экспедиционные поездки дважды и автор статьи, в нач. июля 1998 г. и в сер. июля 1999 г.: вначале в сс. Старое Тябердино ("Иске, Ырым Тәрбит") и Камылово Кайбицкого р-на Респ. Татарстан, дер. Байбахтино ("Виç Пұрт, Өч Изба, Трёх-Изба") Комсомольского р-на Чувашской Респ., а через год (для доп. ознакомления) – в приграничье двух республик и одной обл.: низовые чувашские сс. Старые Алгаши и Средние Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл., с. Виç Пұрт – Шăмăршă ("ТрёхИзб - Шемурша") Шемуршинского р-на Чувашской Респ.

При этом необходимо сразу же выразить признательность здешним почтенным старожилам, с кем довелось встречаться и беседовать. Ижендею Судьеровичу Ухандееву, 1901 г. рожд., обр. 4 кл., старейшине среди «некрещёных» дер. Байбахтино; Антонине Васильевне Назаровой, 1907 г. рожд., кряшенке из левобереж. Лаишевского р-на, была замужем за мест. «некрещёным», обр. высшее, учитель русск. языка в СШ с. Старое Тябердино [ПМА-1: 1998]; Марии Михайловне Бикмендеевой, 1922 г. рожд., чувашка-«анатри» из рода «некрещёных», бывш. директор весьма старинной и известной (ролью в её создании и развитии И.Н. Ульянова и И.Я. Яковлева) СШ с. Средние Алгаши Ульяновск. обл., краеведу, Засл. деятелю культуры Чувашской Респ.; Василию Туктакловичу Мулендееву, 1934 г. рожд., обр. высшее, педагогу-биологу, бывш. секр. парторг. в с. Виç Пұрт ("ТрёхИзб") - Шемурша [ПМА-2: 1999] и мн. др., на кого ещё предстоит сослаться в последующем изложении. Их ценные сообщения позволяют уяснить реальную картину бытования «некрещенства» вплоть до 40-60-х гг. XX в. Хотя, заметим, данная информация (только более разрозненная) памятна и жителям из гораздо более молодых поколений.

Существование «на стыке» трёх конфессионально-культурных вариантов – православного христианства, ислама и «древней веры», наименее организованный характер последней породили в обоих этнолингвистических вариациях современного волжско-правобережного «некрещенства» множество синкретических проявлений, некоторые из которых и будут рассмотрены в данной статье⁴.

Прежняя этноконфессио-культурная сплочённость приняла теперь, неизбежно, более фрагментарный характер (на уровне общего знания о взаимном существовании. Но, с исследовательских позиций, можно вести речь о вполне определённом (просто менее тесно взаимоувязанном, чем прежде внутренне) культурно-традиционном типе, с интересными подтипами в его проявлениях. Не прослеживается здесь ныне и полной общности обрядового комплекса: часть обрядности, бытующей или хорошо памятной, почти совпадает в отдалённых селениях, другая – сходна, либо соприкасается в элементах. Так, ощутима разница в ритуалах даже почти «одноимённых» селений Виç Пұрт – Шăмăршă и Виш Пюрт - Байбахтино (между ними до 40 км по трассе). Определённый пласт обрядовых действий подчас оказывается вообще оригинален для отдельного селения или, в иных случаях, двух-трёх близлежащих.

Так, среди чисто аграрных (даже, по происхождению, пашенных) обрядов специфическим для

⁴ Интересно отмечено уваж. колл. проф. Екатериной Андреевной Ягафовой в 2005 г. серьёзное «сокращение», даже «исчезновение и забвение» здешней чувашской, правобережной-низовой «языческой» традиции: причём, как естественное, так и с сознат. отказом от её выражения и соблюдения – сперва в 50-60-х гг., а затем к концу XX в. [Ягафова: 2007, 75-76; наша содержат. беседа от 28 октября 2006 г.]. По крайней мере, в прежнем разнообразии традиции ритуально-праздничной (даже с новым уподоблением православной). Эта трансформация – не первая издревле! – легко объяснима: ввиду дисперсности расселения, заметного синкретизма, давних репрессий по рел. признаку в этом «некрещено»-исходном ареале. Однако, на наш взгляд, она ещё жива в скрытом, фольклорно-бессознательном бытовании, в «народной памяти», далеко не всегда предсказуемой в перспективе.

Сущность синонимии, синонимических отношений между словами издавна привлекла и привлекает внимание лингвистов, разрабатывающих проблемы семасиологии, поскольку решение проблем синонимии, тесно связано с антонимией и полисемией и ее изучение важно не только для семасиологии, но также и для лексикографии, литературоведения, методики преподавания языка.

Несмотря на существование, сравнительно большого числа исследований, посвященных раскрытию различных сторон синонимии, до сих пор нет единства взглядов в отношении определения синонимов, методов их изучения, принципов выделения и классификации синонимов, границ синонимического ряда.

Исследованию синонимии татарского языка были посвящены труды Ш.Ханбиковой [6; 7], составлены словари синонимов татарского языка, синонимия тюркских слов и заимствованной лексики рассматривалась во всех работах по татарской лексикологии, а именно в трудах Ш.Рамазанова [3], Г.Ахатова [1], Ф.Сафиуллиной [4;8] и др.; вопросам синонимии посвящена и статья Р.Сагитова [5], в которой автор рассматривает такую связь на примерах татарских и арабо-персидских слов.

Как известно, под синонимами понимают слова с равным значением; со сходным значением; слова, обозначающие одно и то же понятие, очень близкие между собой; слова с единым или очень близким предметно-логическим содержанием; слова с одинаковой номинативной соотносительностью, но, как правило, различающиеся стилистически; слова, способные в том же контексте или в контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга. Важнейшая стилистическая функция синонимов – быть средством наиболее точного выражения мысли.

Большинство ученых сходятся во мнении, что синонимия представляет собой частую микросхему языка, которая характеризуется своими собственными отношениями и тем, что входит в качестве составной части в лексическую систему языка в целом. Поэтому исследование их употребления в языке фольклора (а именно в языке паремий, которые стремятся к эвфонии и созвучию мысли; сжатой форме для быстрого запоминания и сохранению рифмы и ритма) на наш взгляд может дать интересные результаты.

Проведенный анализ показал, что в паремиях можно выделить 4 группы синонимов между: 1) тюркскими словами и арабизмами; 2) тюркскими словами и фарсизмами; 3) арабизмами и фарсизмами; 4) арабскими лексемами.

Выявлено, что среди синонимов есть слова - аналоги в двух языках (*сандугач — былбыл; зарар — зыян, начарлык, кәсәфәт; исәнләшү — сәләмләшү* и т.д.); существуют заимствования, которые отличаются степенью состояния (**ярлы** является общим понятием для выражения бедности, **фәкыйрь** - очень бедный, **гидай, ярлы-ябагай** характеризуют бедняков, которые не имеют ни кола ни двора, живут служа другим, слово **хәерче** имеет значение: бедный человек, который кормит подачками других; такими же являются **куркыныч** «страшный» - *хәефле, хәтәр, шомлы, коточкыч, аяусыз, усал; яхшылык* «добро» - *игелек, изгелек, шәфкатьлелек, әйбәтлек; кыюлык* «храбрость» - *батырчылык, тәваккаллек, курыкмау, йөрәклелек, җәрәт итү* и т.д.). Например, *Байлык морат түгел, ярлылык оят түгел; Байлык аерса да, фәкыйрьлек куша; Ярлыны хәерче талый; Олыларга хөрмәт кыл, кечеләргә шәфкать кыл; Игелекsez иҗә килмәс; Әйбәтлекнең чиге юк* и т.д.

У некоторых заимствований в татарском языке сужается значение, и они составляют лишь частичные синонимичные варианты с татарскими словами: например, арабское слово *гает* в языке-источнике имеет значение «праздник» и является эквивалентом слова *бәйрәм*, но первая лексема в татарском языке обозначает лишь религиозный праздник. Это встречается и в паремиях *Көн дә бәйрәм, көн дә туй; Капка төбе көрәп гаёттан калдым. Бәйрәм мөбәрәк булсын, мәҗлес түгәрәк булсын*.

Характерно, что в тексте паремий особенно активно выделяются синонимы - существительные, которые составляют 87% всех синонимов (*үлем - әжәл; сүз — калам; ашамлык - ризык, азык, нигъмәт, локмә, тәгам; өлеш - пай*); остальная часть синонимов это - прилагательные (*әдәтsez — гадәтsez; әрәм - зая*), послелоги (*кебек - шикелле, төсле, сыман*), глаголы (*хөрмәтлә, хөрмәт ит, хөрмәт кыл*).

Нужно заметить: в сборниках паремии расположены вместе со своими вариантами (автор называет их *төрдашлар*), которые имеют тот же смысл, но отличаются от основной паремии заменой того или другого элемента. Такая система способствовала быстрому нахождению синонимов заимствований: *Этнең*

Асәрхарәр-и: *культуролога* – «культура тейчевсине» – *массовикпа*, халәха йәпанәс кӯрекән, ваййа-кулпа явәстаракан сынпа пәтраптарнә. *Культуролог* пәлтерәшнә «Җамрәксән хаҗачә» те пәлмест: *Унта [факультетра] культурологсемпе специализациленекенсем пәлү илсәсә* (ҖХ: 20.01.1996). Камсем-ши әнтә вәсем – «культурологсемпе специализациленекенсем»?

Кун пекки – пуләма сынпа пәтраптарни – «Җамрәксән хаҗатәнчә» час-часах тәл пулатъ. Акә тепәр тәсләх: *Вунә сул хушшинчә чылай сәнара каләпланә самрәк артистка...* «Кәтрәм сана, кәтрәмре» – *Венера, «Шупашкарти савни» ярамра – рәкет, тележурналистка* (ҖХ: 1998, 21 №, 7 с.). «Рәкет» тенине («ыгтисен пурләхне хәратса-хәсәрлесе туртса илин») кунга *рәкетир* ыраңне уә курнә-тәр әнтә. Җав хаҗатранах илнә тата тепәр хыпар: *Җурла уйәхән вәсәнчә тәп хуламәрти рок-клубра сәнә сезон уәлчә. Паллах, пәрәхпа антәхнә рок-сейпнсем (400 яхән сын) хавастән кәтсе илчәс әна* (ҖХ: 1998, 37 №, 10 с.). «Рок-сейпн» тесе сын пирки каламәсә, *сейпн* е (тәрәсрех) *сейпн* – «сесси» сәмахән акәлчан чәлхинчен килнә хурантапә, «лару, тәл пулу» тенине пәлтерет. *Рок-сейпн*, җапла вара, рок-концерт, рок кәввилә тапә каҗне паләртмалли сәмах (дҗаз кәввине кәмәллакансен тәл пуләвне җав мелпех *джем-сейпн* теме пулеччә). Рок кәввине киләптерекән, рок-клуба сӯрекән сынпа паләртма вара журналист *рок-фанат, рокоман, рокмен* сәмахсемпе уә курма пултарнә, *роксә* тесе хамәрла калани тата аванрах.

Җынпа паләртакан сәмаха пуләма паләртакан сәмахпа пәтраптарни «Чәваш сәмахләхә» вәренү кәнекинчә те сисәнәт: *Вәл [тәпмәш хәтланәшә] хәратма-йәпатма шулгаса кәларнә япала, җавәппа им-юмләхпа (экстрасенса, силевпе) пәр ретре тәмасть* [4:37]. Паллах, *экстрасенс* тенине *им-юмләхпа, силевпе* пәр ретре лартни тәрәс мар, вәл – чир-чәре хәйән шыкайсәр туйәмәне паләртма тата силеме пултаракан сын, витәр куран. Асәннә тәсләхре җав сәмаха *экстрасенсорика* («экстрасенс пултаруләхә») ыраңне уә курнә пулас.

«Җамрәксән хаҗачә» *папарацци* сәмахпа җакән пек контекстра уә курнә: *Эдуард Лексейч[җ] метеор евәр ыткәнатъ кәна, хәваласа ситме сук. Папарац[ц]и әсә йәвәр пулсан та вәснә ситермелле: әсталла каять, миҗмәш троллейбус-автобуса* (ҖХ: 1998, 37 №, 2 с.). Кам мәнле тата әсталла ларса кайнине пәлеспән сунакан сынпа паләртма хамәрән чәлхерех сәмахә сителәклә. *Папарацци* вара кун йыппи йәрлөвсә мар, «паллә сынсене мелсәр вәхәтра үкерсе илме хыпанакан, пәтармахпән тәрәшакан фоторепортер» [2:184].

Медитаци сәмах канәслән шухәпа путнине пәлтерет. Вәл – психотерапире, йога системинчә уә куракан хәнәхтару. «Хыпар» хаҗат вара «ыйхә вәхәтәнчә каласнине, ташланине» *медитаци* тенә (Х-р: 3.09.1996, 4 с.), урәх сәмахпа пәтраптарнә. Җав хаҗатах җапла пәлтерет: *Дартсу енәпе (ухәна аләпа персе мишпене тәл лектерес енәпе) самрәк спортсменсен Рәсәй чемпионәчә иртнә* (Х-р: 17.11.1999, 4 с.). Чәннипе вара спорт әмәртәвән ячә – *дартс*. Вәл енәпе тупәшакансем ухха ниҗта та пемәсә, әна алла та тытмәсә. Вәсем тәклә сәмренсемпе тәл пемеллә әмәртасә.

«Ар» хаҗат (2000, 10 №, 2 с.) җапла әнлантаратъ: *Пәрисем әна «тухатнә ыраң», теприсем «ыланлә» тәсә. Әсчаксем вара ун пеккине «патогенлә зона» ят панә.* «Патогенлә» тесе чир-чәр пуҗаракан микроорганизмсем, сиенлә микробсем пирки каласә. Сывләхпән сиенлә пайәркасәм кәларакан хатарлә лаптәка вара – *геопатогенлә ыраң* тәсә.

Җәнә сәмахсемпе ыраңсәр уә курни, вәсен пәлтерәшнә сителәклә уяманни хаҗата, хаҗат чәлхине сиен кӯрет.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка /Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.:Норинт, 2000.
2. *Дегтярев Г.А.* Чәваш чәлхин сәнәләх словарә. I том. Шупашкар: ЧПГҖИ, 2003.
3. *Тани Юн.* Иртнә кун-сулсем. Шупашкар: Чәваш кәнеке изд-ви, 1972.
4. Чәваш сәмахләхә: 10 класән вәренүпе вулав кәнеки /В.П. Никитинпа Н.Г.Иванова пухса хатәрленә. Шупашкар: Чәваш кәнеке изд-ви, 1993.
5. Чувашско-русский словарь /Под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985.

Кәскетүсем

Ар – «Ар» хаҗат	Х-р – «Хыпар» хаҗат
К-н – «Капкән» журнал	ХЯ – «Хамәр ял» хаҗат
ҖХ – «Җамрәксән хаҗачә»	Ч-х – «Чәнләх» хаҗат

В статье «Неологизмы в газетном дискурсе и ошибки в их употреблении» анализируются случаи немотивированного и неправильного употребления новых слов в чувашской газетно-публицистической речи.

«некрещёных» в с. Ст. Тябердино и дер. Байбахтино (но широко представленным по Средневолжью - Приуралью) являлся ритуал - коллективное моление «небу и хлебу», первому солнечному лучу на рассвете в день Петра и Павла ("Петраў"), 29 июня (ст. ст.) / 12 июля (нов. ст.) ежегодно [Викторин: 2005]. В полевой работе автором были записаны и опубликованы фрагменты молитвенных формул (тат. "Эй, Алла, ташлама безне ...", чув. "Эй, Җут-җанталак, Турă, (примерно: «Бог - Свет природы») пар пире хавән ..." – с общим содержанием: «Даруй нам благополучие и урожай через год» [Этническое единство: 2002, 88].

Такой праздничный ритуал отмечен, ныне или ранее, в сёлах почти всех групп христиан-татар (кряшен) и их челябинской служилой ветви - казаков-нагайбаков (след-но, на пространстве св. 600 км) – под названием "Курбан, курман" и "Учук" – у «некрещёных» чувашей других территорий (дистанция – в Приуралье и Зауралье – никак не меньшая). В данной же местности для него прозвучало однажды наименование "Уен" (тат. «развлечение», «праздник» – инф. Назарова А.В. [ПМА-1: 1998]).

Но особо интересен для темы данной статьи другой специфический обряд, тоже сельскохозяйственный (аграрный), но, видимо, ещё более древний – связанный с домашним приусадебным и сельско-пасечным пчеловодством (а в совсем давние времена первичных булгаро - финно-угорских контактов – очевидно, и с бортничеством), характерный особой символической ролью огня, знаменующего единство и сплочение единоверцев-«некрещёных».

У данной «некрещёной» подгруппы чувашей на похоронах ставили 4 свечи по сторонам умершего (в позднее время – по краям гроба). При поминках – в тарелке или на блюде помещали нужное количество свечей из воска ("әвәс карасән") по числу поминаемых родственников. Оплавленный воск после собирали (с. Виҗ Пүрт - Шәмәрша), на нём гадали (с. Сред. Алгаши) [ПМА-2, 1999]. А в случае же особо важного поминовения ставили в помещении (прихожая, чулан) ещё и «домашнюю свечу» ("кил җурта") – т.е. рукотворную, из собранного самими же участниками пчелиного воска (Бикмеева М.М. [ПМА-2: 1999]).

Типичный поминальный день ранее справлялся осенью, в конце конец окт. - нач. нояб.: ставились «по покойному 3 свечи, в знак присоединения его к предкам» [Ягафова: 2007, 76]. Более характерным именно для рассматриваемого ареала было поминовение в священный день «Семик» ("җемик"), обычно в мае-июне, прямо в канун Троицы. Он справлялся в субботу у православных, в четверг – у «некрещёных» (так было, по крайней мере, ранее, но в Ст. Тябердине сохр. и до сих пор).

У татар-мусульман, в отличие от православных и «некрещёных», действия с огнём и свечами были весьма редки. Видный тюрколог-этимолог, глубокий и тонкий знаток проблемы, проф. Бирского пед. университета в Башкортостане Р.Г. Ахметьянов приводит лишь "шамчырак" - игровые молодёжные вечеринки у нек-рых групп татар-мишарей. Хотя термин «свеча» представлен – тат. литер. "шәм", кряш.- «некрещ.» и мишар. диал. "шам" – как пришедший из арабского ("шәм" – «светило, источник света»), хорошо известный в персидском и татском, калмыцком языках. Чуваша же сохранили болгарское слово "җорта", мест., низов.-диал. «анатри», "җурта". Исходной следует считать (А.М.О. Ряснен) болгарскую лексему "žartag" («светоч, носитель света»), а звуковые «переходы отражают болгарскую фонетику»⁵. Это видимо, как раз один из тех случаев, когда существуют «некоторые чувашские слова без татарских параллелей» [Ахметьянов, 1978, 165].

Но и в татарском (лит. и диал.), нек-рых др. связанных тюрк. языках соотв. кыпчак. основа "йарит / джарит / жарит" («освещать, святить, посвящать») сохранилась лишь в специальном, обрядовом (уже без «огненного» сопровождения) употреблении. Автору статьи известны только молитв. формулы у правосл. татар-кряшен "ярлыка / джарлыка" – «помилуй» и у казахов (из кочевого тенгристи) – "жарылка", т.е. «одари, ниспошли».

Тем более интересен достаточно целостный, отмеченный только лишь в близких, связанных и прежде взаимобрачных селениях: Байбахтино ("Виш Пюрт, Өч Изба, Трех-Изба") и Ст. Тябердино ("Иске, Ырым Тәрбит") вариант «большой свечи» (чув.-диал. "аслә җурта", тат.-диал. "зур шам").

Здесь, когда умирал кто-либо из «некрещёных», сразу же (и повторно на поминки 40 дней) собирались единоверцы (только лишь они) – и сообщая все «ставили», творили в его доме на всю ночь «большую свечу», усложнённую разновидность «домашней».

Приносили свои, из домашнего воска, свечки и составляли их в блюде, «закручивая» слева направо (ср. ритуал. - русск. «пóсолонь») – получалась плотная и высокая, круглая, св. 3 м. в охвате,

⁵ Выражается особая, искренняя благодарность многоуваж. проф. Рифкату Газизяновичу Ахметьянову за его любезную и подробную консультацию в письме от 25 декабря 1998 г., сообщившему при этом массу крайне существенных этнолингвокультурных деталей.

спираль. И дежурившие всю ночь постепенно, по мере сгорания, её «развёртывали, разворачивали» – уже в обратном порядке («противосолонь»), т.е. с символикой «вне жизни», в знак ухода от живых⁶.

Таким образом, направление ритуального движения и его символичность могли быть разными, даже в рамках одного и того же обряда. И неслучаен, возможно, используемый при этом в Ст. Тябердине, на татар. яз., характерный термин "эй - лендерү" – букв.-этимологич. «двигать по ходу луны, месяца».

Необходимо, как представляется, сопоставить этот субэтно- и конфессио-культурный факт с широко изв. в науке марийск. ритуал. и обществ. явлением "сорта", "кугу сорта", тоже в знач. «большая свеча». Такое наименование, кстати, приобрела и возникшая в конце XIX в., переоформленная в нач. и возобновлённая в конце XX в. (знаменат. недавняя трансформация!), притом очень активно действовавшая, оппозиционная и синкретичная секта в «некрещенстве» восточных (левобережных), луговых марийцев.

Думается, что пространство ритуалов с «большой свечой» имело в предшествующие столетия непрерывность и более широкое, системное распространение в «средне-волжском круге» культур и верований характерного аграрного типа, под явным болгарским влиянием – в финно-угорско - тюркских конфессионально-межэтнических взаимодействиях, подвергаясь затем в истории многократным видоизменениям и переосмыслениям (возможно, ещё и не вполне исчерпанным в новом XXI в.).

Ныне же «большую свечу» целесообразно рассматривать как символ конфессионального и субэтнического единства, а иногда, как можно убедиться, – и контактов сблизившихся групп соседних этносов. У рассматриваемой небольшой, двуязычной «некрещенской» подгруппы чуваше-татарского приграничья в двух-трёх пограничных селениях (всего до 0,5 тыс. чел.) этот культурный факт проявлялся лишь в специфической, поминальной обрядности, но тоже подразумевавшей общий сбор и сплочение единоверцев, связанных произошедшим несчастьем. Но не следует исключать для прежних времён и более широкой трактовки «большой свечи», в т.ч. вариантов с её «раскручиванием "пóсолонь"», которые могли олицетворять счастье и благополучие, а для будущего – неожиданных проявлений. В любом случае, это древний, ещё отчасти сохранённый, региональный конфессио-культурный факт представляет значительный интерес и требует дальнейших исследований.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). - М.: Наука. 1978 – 246 с.
2. Викторин В.М. Ранний монотеизм в аграрном «языческом» ритуале татаро-чувашского межэтнического пограничья («Реальная страна») // Информац.-аналитич. портал «Евразия» / www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid (от 3 августа 2005 г.)
3. Викторин В.М. К общности обрядовой терминологии и проблеме вторичных этнокультурных контактов тюрко-монгольских народов (на примере калмыцких жертвенных ритуалов) // Чувашский язык и алтаистика (Мат. науч. конф., г. Чебоксары, 20-22 ноября 1990 г.). – Чебоксары: [Чувашск. гос. ин-т гуманит. иссл.]. 1995. – С. 61-63.
4. Молькеевские кряшены. Сб. ст. Сост. Н.Ю. Альмеева. Под ред. Д.М. Исакова. – Казань: Ин-т яз, лит-ры и ист. АНТ, 1993. – 156 с.
5. Ухтияров А.И. Родимый край – село родное (Краткая история села ТрёхИзб - Шемурша). – Чебоксары: Изд-во «Чувашия». 1996. – 304 с.
6. Этническое единство и специфика культур. Мат. 1-х Санкт-Петербургских этнографич. чтений (г. Санкт-Петербург, Российск. этнографич. музей, 23-25 декабря 2002 г.). Отв. науч. ред. А.В. Коновалов. – СПб.: Изд-во СПбГУ. 2002. – 160 с.
7. Ягафова Е.А. Чувашское «язычество» в XVIII - начале XXI века. Моногр. – Самара: Изд-во СамарГПУ. 2007 – 128 с.
8. Яковлев И.Я. Моя жизнь (к 150-летию со дня рождения). – М.: Изд-во «Республика». 1997. – 696 с.
9. Gündöz Harun. Kayseri – Kivilcim. – Ankara: [Kitap yey - sez]. 1998. – 381 b.
10. ПМА - 1 – Полевые материалы автора статьи, хранящиеся в его личном архиве: экспедиционная поездка в сс. Старое Тябердино ("Иске, Ырым Тәрбит") и Камылово ("Камыл") Кайбицкого р-на Респ. Татарстан, дер. Байбахтино ("Виç Пұрт, Трех-Изба, Өч Изба") Комсомольского р-на Чувашской Респ., 3-4 июля 1998 г.
11. ПМА - 2 – Полевые материалы автора статьи, хранящиеся в его личном архиве: экспедиционная поездка в сс. Старые Алгаши ("Кивё Улхаш") и Средние Алгаши ("Вăта Улхаш", "Чăвашкасси") Цильнинского р-на Ульяновской обл., с. Виç Пұрт – Шăмăршă ("ТрехИзб - Шемурша") Шемуршинского р-на Чувашской Респ., 16-17 июля 1999 г.

⁶ В с. Виç Пұрт – Шăмăршă («ТрехИзб - Шемурша») поминальный костёр также полагалось всем участникам обряда обходить 3 раза п р о т и в солнца [Ухтияров: 1996, 42-43; ПМА-2: 1999].

Дегтярев Геннадий Анатольевич
(Шупашкар)

ХАҢАТ ЧĖЛХИНЧИ СĖНĖ СĖМАХСЕМ ТАТА ВĖСЕМПЕ СЫХĖННĖ ЙĖНĖШСЕМ

«Саманана юраспĖн юрă хыврăм», – тенĖчĖ сăвăçă. Саманана юрас тесе сĖнĖ сĖмахсем хайлатпĖр, вĖсене ютран йыпĖнатпĖр, хутпĖнуран тухнисене каялла тавăратпĖр, хĖнĖхнĖ сĖмахсене сĖнĖ пĖлтерĖш кўретпĖр, сĖнĖ сĖмах майлапĖвĖсене йĖлана кĖртетпĖр.

Самана паллисене учрежденисемпе должносĖн ячĖсенче, обществăпа политика лексикинче сĖс мар, ахаль сĖмахсен тĕтĖшлĖхенче тата вĖсен майлапĖвĖнче асĖрхама пулать. Совет тапхĖрĖнчен хаҗатсенче, калăпĖр, *сутă* нумай пулнă: *сутă Ėмет*, *сутă инсет*, *сутă малашлăх*, *сутă пуласлăх*, *сутă чун*, *сутă шанчăк*... Хальхи хаҗатсенче вара чылай япала – *супер*. 1985 сўлхи пысăк словаре пăхĖр-ха [5:383]: ун чухне пирĖн «суперлисем» икĖ сĖмах кăна пулнă (вĖсем те вырăс чĖлхинчен тўррĖн йыпĖннисем): *суперобложка* тата *суперфосфат*. Паянхи чăваш хаҗатĖнче *супер*- хушăмлă сĖмахсен йышĖ темисе теҗеткене җитет: *суперагент*, *суперавтан*, *суперальбом*, *суперарҗын*, *суперасанне*, *суперăсчах*, *супербоевик*, *супербомба*, *супервĖйă*, *супермайра*, *супержурнал*, *суперкалендарь*, *суперкассета*, *суперклуб*, *суперконкурс*, *суперлига*, *суперлотерея*, *супермарафон*, *супермаркет*, *супермел*, *супермен*, *супермодель*, *суперпарне*, *суперпатшалăх*, *суперприз*, *суперсекс*, *суперспортсмен*, *суперсăлтăр*, *супертехника*, *суперўкерчĖк*, *суперхушлашка*, *суперчăваш*, *супершоп*, *суперэлига*, *суперюрă*...

Паллах, сĖнĖ сĖмахсемпе майлапусене пурне те хапăл туса йыпĖнма сўк. «Хыпар» хаҗатран икĖ тĖслĖх илсе пăхĖр-ха:

«Республика культурăна информатизацилес... тĖлĖппе РаçсĖй Культура министерствин *пилот регионĖ* пулса тăчĖ» (Х-р: 27.11.2003, 3 с.);

«*Маргинал диетисем* сиен кўресĖĖ, мĖншĖн тесен җынна 70 тĖрлĖ элемент кирлĖ» (Х-р: 4.08.2005, 4 с.);

Вулакана Ėнланма йывăр *пилот регионĖ*, *маргинал диети* вырăнне *сăнавлă регион*, тата *тиркевлĖ диета* теме пулмасть-им-ха?

ТепĖр чухне хаҗатсăсем чăвашларах калама тĖрĖпасĖĖ те путишле сĖмахсем шутласа тупасĖĖ: *мимиксĖ* «мимик, мимист» (Х-р: 20.09.1996, 4 с.); *математиксă* «математик», *нигилизмлăх* «нигилизм» (ХЯ: 2003, 3 №, 1-2 с.), *бонопартилĖх* «бонапартизм» (К-н: 2004, 29 №, 6 с.).

Ютран йыпĖннă сĖнĖ сĖмахсемпе тĖлсĖр, пĖлтерĖшпе уямасĖр усă курни чылай тĖл пулать. Уйрăм тĖслĖхсем пирки тĖшлĖрех каласа хăварар-ха.

«Самрăксен хаҗачĖ» җапла ĖнентересшĖн: *Драма театрĖнче чăваш вестернне лартма вăхăт җитрĖ* (СХ: 3.04.1998). МĖн-ха вăл «чăваш вестернĖ»? *Вестерн* (акăл. «анăҗри») СурҗĖр АмерикĖн анăҗри птҗачĖсен XIX ĖмĖр вĖҗĖнчи пурнăҗне, ковбойсен харсĖрлĖхне сĖнлакан мыскараллă фильм е литература хайлавĖ. Апачисемпе перифсем җинчен ўкернĖ кинофильм евĖрлĖ спектакль лартаспĖн-ши ĖнтĖ корреспондент? «Чăваш вестернĖ» пуласси икĖлентерет, *чăваш боевикĖ* вара тахсанах пулнă иккен. Чăвашсен пĖрремĖш киноактриси Тани Юн аса илнĖ тĖрĖх [3:61], «Апайка» фильма куракансем «чăваш боевикĖ» тесе хакланă.

«Ар» хаҗат (2002, 13 №, 4 с.) җапла хыпарлать: *Исламистсен пусарăвне Чăваш Республикин Патшалăх КанашĖ мĖнле хак парасси пирки калама иртерех-ха*. Контекстран җакă палăрать, журналист *исламист* сĖмаха «мăсăльман», «ислам тĖнне тыткан» пĖлтерĖшпе усă курнă. Вырăс чĖлхин чи тулли сĖнĖ словарĖ те [1:400] *исламист* пĖлтерĖшпе усăмлĖн палăртман, «ислама майлă җын» тесе Ėнлантарнă. ТĖрĖссипе вара *исламист* вăл – «исламизацие майлă җын» е, усăмлăрах каласан, «обществăпа йĖла пурнăҗне пĖтĖмпех ислам тĖнне, Коран вĖрентĖвне пăхăнтарма тĖрмашакан җын». СĖмах май каласан, Афганистанра пĖр вăхăт хуҗаланнă талибсем – исламистсен пĖр тĖсĖ.

«ЧĖнлĖх» хаҗата Ėненес пулсан, *Часах тепĖр тĖрлĖ преступлени – клонланă (касса уйĖрнă) этем органĖсене саккуна хирĖсле сутă тăвасси анлă сарăласса палăртасĖĖ* (Ч-х: 1999, 14 №, 3 с.). Журналист кунта пĖр евĖрлĖрех преступленисене пăтраштарса яни палăрать, мĖншĖн тесен *клонлани* – «касса уйĖрни» мар, «организмĖн пĖр-пĖр клеткине арлăх-вĖрлăхсĖр аталантарса йĖкĖреш хăраххи ўстерни» [2:132]. Ку темăна тĖшмĖрткенсем Ėнлантарнă тĖрĖх, пĖтĖм организма та, уйрăм органа та клонлама пулать.

«Хыпар» җапла хыпарлать: *Университетран вĖренсе тухакансене культуролог (культурăпа канăва йĖркелекен) тата драма режиссерĖ дипломĖсене парасĖĖ* (Х-р: 2.06.1992, 4 с.).

уроках языка дидактических материалов на основе текстов является актуальным, современным, так как позволяет по-новому решать важные вопросы научно-методического обеспечения процесса обучения неродному языку в школе.

При использовании текста как средство создания на уроках развивающей речевой среды особую важность приобретают критерии отбора текстов и заданий к ним, включение каждого урока в продуманную систему работы.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется необходимостью решения таких важных вопросов школьного обучения татарскому языку, как приобщение учащихся к духовному богатству и красоте татарского языка, воспитание внимательного, вдумчивого и бережного отношения к слову, формирование школьника как языковой личности, осознающей необходимость своего культурно-речевого совершенствования.

Власова Лариса Валерьевна
(г.Стерлитамак)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И УСТРАНЕНИЮ ДИАЛЕКТНЫХ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ОШИБОК

Диалект приуральских чувашей лег в основу литературного языка. Все же он имеет свои значительные особенности: отличающие его от чувашского литературного языка и в фонетике, и морфологии, и лексике.

Работа в диалектных условиях ставит перед учителем следующие требования. Прежде всего, учитель хорошо должен знать особенности диалектной речи учащихся, изучать ее. Далее учитель должен хорошо владеть литературным языком, всегда требовать и добиваться от учащихся правильного, литературного произношения слов и выражений. В-третьих, учитель должен вести учет орфографических ошибок, предупреждать и устранять их и, в-четвертых, творчески использовать известные методические приемы и проводить различные и письменные упражнения с учетом особенностей диалектной речи учащихся. Из основных методических приемов обучения орфографии в диалектных условиях можно указать следующие: учет и классификация ошибок; словарная работа; комментированное орфографическое письмо; орфографическое слоговое проговаривание; составление и работа с карточками; подбор синонимов и антонимов; диктанты; сочинения по опорным словам; работа с карточками; изложение по опорным словам; грамматические игры.

Для предупреждения диалектных ошибок учащихся учитель должен в начале же учебного года, прежде чем приступить к изучению грамматики родного языка, рассказать учащимся коротко о литературном языке и его диалектах. В сравнительном плане учитель должен объяснить и показать на примерах.

Следует отметить, что исследованием именно этого аспекта чувашской диалектологии занимались и занимаются Н.И. Ашмарин, Л.П. Сергеев, Г.Е. Корнилов, И.А. Андреев, Н.И. Егоров, А.С. Канюкова, Р.И. Цаплина, Л. П. Петров, А.Д. Ахвандерова. Однако далеко не все вопросы этой сложной проблемы на сегодняшний день являются решенными.

Только в последние годы чувашская диалектология становится предметом монографических исследований. На сегодняшний день имеем 4 словаря: Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1968; Сергеев Л.П. Словарь чувашских народных говоров. Фонетические диалектизмы. – Чебоксары, 1971; Сергеев Л.П., Павлов В.В., Ахвандерова А.Д. Диалектологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 2006; Власова Л.В., Егоров Н.И. Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка. – Чебоксары, 2004. На русско-чувашском отделении филологического факультета Стерлитамакской государственной педагогической академии им. З. Биишевой работают проблемные группы «Диалектные особенности приуральских говоров чувашского языка» (н. рук. - доц. СГПА Власова Л.В.), «Лексика чувашского языка в национально-культурном аспекте» (н. рук. - к. пед. н., ст. преп. Карпова Н.С.), «Фольклор чувашей Приуралья» (ст. преп. Афанасьева Л.А.). С 1997 года студенты и преподаватели кафедры выезжают на территорию Башкортостана в фольклорно-диалектологические экспедиции. На базе собранных материалов написано 15 дипломных и более 100 курсовых работ. В 2004 году выпустили «Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка» в 2-х частях (словарь содержит 3.000 диалектных слов), в 2007 - «Реалии чувашской культуры. Лингвокультурологический словарь». Наречия, зафиксированные в говорах Приуралья в процессе исследования, получили характеристику (по принципу скользкой классификации), а именно по способности быть реализатором одной или одной или нескольких частей речи. Жители Приуралья являются носителями разных говоров. В нем преобладают элементы низового диалекта, которые органически переплетаются с переходными говорами. Говоры низового диалекта чувашского языка оформились на базе так называемого «переходного» говора, на который оказали сильное влияние диалекты татарского языка. Относительно приуральских говоров чувашского языка уже на современном этапе из изученности, можно констатировать, что в них прослеживаются влияния как центральных (казанско-татарских), так и западных (мишарских) говоров татарского языка. Так, например, такие специфические звуки приуральских говоров чувашского языка, как с (в нашей транскрипции), *ɖ*, *ɕ* и (т в алфавите И.Я. Яковлева) и др. красноречиво свидетельствуют об участии татар-мишарей в формировании низовых говоров чувашского языка.

Значительная часть лексики приуральского говора отражает материальную и духовную культуру

носителей говора, в основе которой лежит древнетюркский пласт. В приуральских говорах наибольшая часть древнетюркских слов в ходе длительного исторического развития подверглась семантическим, фонетическим и морфологическим изменениям. У одних слов первоначальные значения расширились или сузились, другие получили новые значения. Многие лексические единицы сохранились лишь в части слова или словосочетаниях. Данный говор обладает рядом специфических признаков (отсутствует оканье, кроме двух деревень (Косяковка Стерлитамакского р-на, Антоновка Гафурийского р-на), ударение всегда падает на гласный последнего слога, глагольная форма 1-го лица ед. числа настоящего времени образуется аффиксом *–an/ -en* (*вулап, вуламан*), в отрицательном аспекте *–ман/ -мен* (*вулап, вуламан*)).

Займствования в говорах занимают довольно значительное место. Наибольшая доля их приходится на татарские слова: *айпакӑр* «подсолнечник», *суса* «чувствовать жажду», *павӑрсака* «хворост, баурсак», *пакраç* «половник», *кармак* «удочка», *кӗçке* «кое-как», *ченӗçке* «вилка», *ука* «читать» и другие. Кроме того, в приуральских говорах, как и вообще в чувашском языке, имеются русские (*спур* «спор», *уçӑм* «озимь») и марийские заимствования (*лӗпӗшки* «бабочка», *шӑлтӑрма* «блок (ткацкого станка)»).

Широкое исследование диалектов и говоров чувашского языка имеет теоретическое и практическое значение.

Теоретическое значение выражается в том, что изучение диалектов, говоров различных территорий, занятых чувашами, дает неоценимый материал для истории чувашского языка, народа, для исторической этнографии, археологии, фольклористики. В живой народной речи сохранились те древние слова, явления языка, которых нет в современном литературном языке. Диалектные данные дают возможность шире, глубже ставить вопросы реальных взаимоотношений и исторического развития родственных групп языков, играют большую роль при разработке сравнительной грамматики и истории отдельных тюркских языков.

Практическое значение изучения диалектов и разработка приемов преподавания чувашского языка в диалектных условиях даст возможность учителям чувашских школ выработать у учащихся навыки литературной речи и овладеть современным чувашским литературным языком. Языковой материал может быть использован при создании диалектных словарей и диалектологических карт Приуралья, также может быть основой для успешного выполнения Государственных программ «Народы Башкортостана», «Фольклор народов Башкортостана», принятых Правительством Республики Башкортостан.

3) текстның ахырын давам итегез; 4) текстны аудиоязмадан тыңлагыз һәм эчтәлеген сөйләгез һ.б.

Текст шактый күп гуманитар фәннәрнең өйрәнү предметы булып тора, ләкин һәрбер өлкә, аны үз формасына яраклаштырып, үз мөмкинлекләреннән чыгып өйрәнә. Галимнәр фикеренчә, текст мәктәп укучыларының сөйләмен үстерү чарасы булып тора, ягъни ул сөйләмне билгеле бер логик эзлеклелектә алып барырга, ирекле аралашу оештырырга ярдәм итә.

В.Ф.Габдулхаков әйтүенчә, икенче телгә өйрәтү системасында текстларга бәйле рәвештә укучыларның сөйләм күнекмәләрен камилләштерүгә зур игътибар бирелергә тиеш. Дәрәсләрдә текстны төрле яклап өйрәнү алга таба укучыларның аралашу осталыгын үстерүгә китерә. Монда бигрәк тә монологик сөйләмгә өйрәтү өчен киң мөмкинлекләр барлыкка килә. [Габдулхаков В.Ф.]

Укучыларның коммуникатив эшчәнлегә турыдан-туры төрле диалогик һәм монологик текстлар төзү, укылган яисә тыңланган текстның эчтәлеген сөйләп бирү, шулай ук дәрәсләкләрдәге текстларны карап чыгу, танышу, эзләнү максаты белән уку һәм аларның эчтәлегә буенча аралашу оештыруга кайтып кала. Әлегә эш алымнары укучыларны бер-берсен тыңларга һәм аңларга, бәйләнешле сөйләмне дәрәс төзүгә күнектерә. Шулай ук төрле текстлар белән эшләү укучыларның сөйләм эшчәнлегенә башка төрләреннән дә күнекмәләрен арттыра. Әлегә чараның отышлы булуын психологик һәм психолингвистик тикшеренүләр дә күрсәтә. Моннан тыш дәрәсләкләрдәге текстлар укучыларга татар халкының горәф гадәтләре, йолалары, тарихы белән танышырга, танылган күренекле шәхәсләргә турында да мәгълүматны житкерергә мөмкинлек бирә. Алар аша укучылар татар мәданиятенә хас үзенчәлекләр, татар халкына хас сыйфатлар, тарихи мәгълүмат белән танышалар.

Алда санап киткән эш төрләре мәктәп дәрәсләкләрендә актив кулланыла һәм аларны алга таба да истрәтә зарур. Гомумән алганда, текстларны төрле максатлардан чыгып куллану, татар телен гамәли үзләштерүне күз уңында тоту.

Әдәбият

1. Быстрова Е.А. Обучение русскому языку в школе/ Е.А.Быстрова. – М.: Дрофа, 2004.– 240 с.
2. Вислогузова М.А. Структура базового блока педагогического образования и технология его диагностики / М.А. Вислогузова. – М.,2001. – 197 с.
3. Габдулхаков В.Ф. Современная языковая коммуникация и технология развития речевой деятельности в условиях билингвизма / В.Ф. Габдулхаков. – Казань, 1999. – 208 с.
4. Сорокина И.Г. Развитие умений интерпретации художественного текста / И.Г. Сорокина. – М., 2001. – 102 с.
5. Стрелкова Г.В. Общеввропейские компетенции владения иностранными языками / Г.В. Стрелкова. – М., 2001. – 135 с.
6. Текст в гуманитарном знании// Материалы межвузовской научной конференции. – М., 1997. – 353 с.
7. Текст в преподавании русского языка студентам-иностранцам на подготовительном факультете: Сборник научных трудов. – М., 1983. – 146 с.
8. Текст в процессе преподавания иностранного языка. – Пермь: ПГУ, 1979. – 166 с.
9. Текст в учебном процессе. – М.: МГПИИЯ, 1987. – 152 с.
10. Текстуальная лингвистика и обучение чтению и аудированию на иностранных языках / Под ред. В.А.Бухбиндера. – Киев: КГПИИЯ, 1986, - 147 с.
11. Харисов Ф.Ф. Татар телен чит тел буларак өйрәтүнең фәнни-методик нигезләре / Ф.Ф. Харисов. – Казан: Мәгариф, 2002. – 536 б.

Язык является органической частью индивидуальной культуры человека, поэтому обращение к тексту в процессе обучения позволяет в комплексе решать образовательные и воспитательные задачи, помогает раскрыть индивидуальность каждого ученика, сформировать творческую личность. Вызывая у учащихся определенные эмоции, заставляя их сопереживать прочитанному, текст способствует проявлению индивидуальности каждого ученика как языковой личности: ведь "процесс восприятия текста неизбежно субъективен" (С.Аверинцев). Поэтому личностно-ориентированный подход может осуществляться в процессе такой работы с текстом, когда каждый ученик имеет право сказать (написать) о своем личностном (индивидуальном) его понимании (восприятии), выразить через слово свои мысли и чувства.

Использованию личностного подхода при обучении татарскому языку как неродному способствуют разработанные нами уроки (уроки словесности, деловые игры, уроки-исследования, практикумы, семинары, дискуссии и т.п.), включающие аналитическую работу с текстом, а также создание системы упражнений, предполагающей возможность выбора, проявления индивидуальных творческих способностей, удовлетворения образовательных интересов у учащихся. В процессе творческой работы с разными текстами учащиеся обобщают и систематизируют то, что было изучено, углубляют и расширяют свои знания о языке, языковой системе, о том, как живет язык в нашей речи. Использование на

**ТЕКСТ ЯРДӘМЕНДӘ УКУЧЫЛАРНЫҢ ТАТАР ТЕЛЕНДӘ
АРАЛАШУ ОСТАЛЫГЫН ҮСТЕРҮ
[РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ У УЧАЩИХСЯ]**

Татарстан Республикасы телләре турында Закон кабул ителгәч, туган телебезнең кулланылыш даирәсе киңәйде. Татар теле җәмһүриятебездә дәүләт теле хокукы алды һәм аны гамәлгә ашыру юнәлешендә эзлекле эш башланып китте. Шулар белән бәйле рәвештә татар теленә игътибар бик нык артты, башка милләт вәкилләренә дә өйрәтү ихтияжы туды – татар теленең функцияләре бермә-бер күбәйде, аны төрле яклап өйрәнү эше киң җәелеп китте.

Шул вакыттан алып, рус телле балаларны татар теленә өйрәтү мәсьәләләре дә көн үзәгендә тора. Мәктәп программасында әйтелгәнчә, рус телле балаларга, татар телен аралашу чарасы буларак үзләштерү өчен, тел берәмлекләрен гамәли үзләштерү сорала.

Икенче телгә өйрәтү барышында текст белән эшләүнең мөһимлеге турында күпчелек фәнни хезмәтләрдә дә әйтелә. Татар теле дәрәсләрендә текст белән эшләү укучының компетенциясен арттыруны да, аларның ижади һәм мөстәкыйль эшләү мөмкинлекләрен камилләштерүне дә, тәрбияви максатларга ирешүне дә тәмин итә. Соңгы елларда лингводидактикада компетенция төшенчәсе киң кулланылышка кереп бара. Ул тел күренешләрен төрле яклап үзләштерә белүдән гыйбарәт. Шулай да компетенция терминны нинди мәгънәгә ия соң? Чит телләргә өйрәтү методикасында *коммуникатив компетенция* дигән төшенчә аралашуга әзерлекне, ягъни осталыкны һәм телне өйрәнүче кешенең бернинди дә киртәсез телдән һәм язмага үз фикерләрен белдерә алуын аңлата. [Быстрова Е.А.]

Бүгенге көндә методикада компетенциянең берничә төрен аерып күрсәтәләр: лингвистик компетенция, коммуникатив компетенция һәм этнокультурологик компетенция. Аларның һәрберсе, үз чиратында, укучының акыл эшчәнлеген күнекмәләрен һәм ижади мөмкинлекләрен үстерергә һәм аны шәхес буларак формалаштырырга этәргеч булып тора. Бигрәк тә укучыларның сөйләү, уку, язу күнекмәләрен үстерү аеруча зур игътибарга лаек.

Методистлар әйтүенчә, хәзерге вакытта икетелле мохиттә телләр өйрәтү белән бәйле принциплар арасында текстоцентризм принцибы аерым урын алып тора. Әлеге принципның максаты – укучыларны икенче бер телгә өйрәтү барышында текстны иң мөһим берәмлек буларак билгеләү.

Әлеге принципның теоретик эчтәлеген XX гасырның 60-70 елларында эшләнгән башлый. Уку-укуту барышында текст белән эшләү укучыларның коммуникатив мөмкинлекләрен, фикерләү осталыгын үстерүгә юнәлтелә. Бүгенге көндә галимнәр *текстоцентрик метод* нигезендә текст белән эшләүнең мөһимлеген түбәндәгечә аңлаталар:

- 1) полифункциональ күренеш буларак телнең асылына бары текст ярдәмендә генә төшенеп була;
- 2) текст нигезендә телнең барлык грамматик формалары һәм категорияләрен, тел күренешләрен аңлатырга мөмкин;
- 3) бары текст ярдәмендә генә телне тулы бер система буларак өйрәнү мөмкин, аны үсештә һәм үзгәрештә күрергә мөмкинлекләр туа;
- 4) текст ярдәмендә телдән һәм язма сөйләм күнекмәләренә ни дәрәжәдә үсеш алуын күзәтергә һәм өйрәнергә мөмкин.

Текст нигезендә укучыларның лингвистик белемнәрен ныгыту турында сүз алып барганда, без, иң беренче чиратта, коммуникативлыкны, сөйләм дәрәжәсен камилләштерүне күз алдында тотарбыз. Ә бу, үз чиратында, укучыларның үзара диалог, сөйләшү үткәрү, әңгәмә кору эшләреннән гыйбарәт. [Харисов Ф.Ф]. Дәрәсләрдә тулы һәм төгәл әңгәмә барлыкка килсә өчен, текст белән эшләүнең үзенчәлекләрен истә тотарга кирәк. Бүгенге көндә мәктәп дәрәсләкләрендә матур әдәбият текстлары күнегүләр эшләү өчен генә түгел, ә телнең лингвистик һәм стилистик үзенчәлекләрен чагылдыру һәм телне үсеш-үзгәрештә күрсәтү өчен дә бирелә. [Быстрова Е.А.]

Рус балаларын татар теленә өйрәтү барышында, текстоцентрик принципка нигезләнеп, төрле типтагы дәрәсләр үткәрергә мөмкин. Мәсәлән, уенга корылган дәрәсләр яки дәрәс-әңгәмә, дәрәс-семинар, дәрәс-конференция, дәрәс-интервью, дәрәс-викторина һ.б. Әлеге дәрәсләргә әзерләнгәндә, укучыларның мөстәкыйль эшләү күнекмәләре, уку, сөйләү осталыклары ныгытыла, шулай ук үткәннәргә кабатлау, белемнәргә киңәйтү һәм системалаштыруга да ирешеп була. Мондый дәрәсләрдә текстка бәйле дидактик биремнәр куллану да уңышлы алым булып санала, чөнки ул телне гамәли куллануны җиңеләйтә. Моның өчен түбәндәге күнегүләрдән файдаланырга мөмкин. Мәсәлән, 1) текстны укыгыз һәм сорауларга җавап бирегез; 2) текстны укыгыз һәм эчтәлеген сөйләгез;

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВА В ПОЭМЕ К. ИВАНОВА «НАРСПИ»

В последнее сорокалетие проводилась значительная работа по диалектологическому обследованию чувашезычного ареала Среднего Поволжья и Приуралья. Опубликованы диалектологические словари, монографии, составлен атлас чувашского языка.

В составе чувашского языка необходимо отметить два основных диалекта, или наречия: низовой диалект («анатри»), характерный для чувашей, живущих в Ульяновской, Самарской, Оренбургской областях и в Республике Башкортостан, и верховой диалект («вир-ял», «тури») – для живущих на территории Чувашской Республики (в Цивильском, Ядринском, Козмодемьянском районах). Основным отличием является то, что по звукосоответствию у и о в первом слоге слова низовой диалект можно назвать укающим, а верховой – окающим («*пур*» - «*пор*» - «есть»; «*урана*» - «*орана*» - телега).

Диалектный язык – язык, территориально ограниченный. В отличие от литературного языка он имеет только устную форму. Но между тем диалектизмы нередко используются в литературном языке, в частности, в художественных произведениях.

Очень умело и эффективно использует диалектизмы в своих произведениях классик чувашской поэзии К.В. Иванов, автор ряда крупных произведений – «Нарспи», «Тӓлӓх арӓм», «Тимӓр тылӓ», «Икӓ хӓр».

Цель данной работы – исследование диалектизмов и их происхождение в поэме К.В. Иванова «Нарспи».

Проблема диалектизмов в чувашском литературном языке получило широкое освещение. Но в то же время диалектизмы и их происхождение в поэзии К.В. Иванова специально не исследовались. Между тем язык Иванова интересен с точки зрения использования в нем различных диалектизмов.

По нашим исследованиям, в поэме «Нарспи» 6 диалектизмов. Все они относятся к низовому диалекту («анатри»). Это обусловлено тем, что К. Иванов родился и вырос в селе Слакбаш Белебеевского района Республики Башкортостан, для которого характерен низовой диалект.

Рассмотрим диалектизмы, заимствованные из других языков.

Ерипе «тихо, потихоньку, медленно» (лит. *ерипен*):

Сӓнӓ кӓпӓ-йӓмпӓлӓ

Тухрӓс вӓсем урама,

Тухрӓс вӓсем *ерипӓ*,

Утрӓс ирӓх туй курма.

Ӗретлет «посетить» (лит. *ӓретлет* «приводить в порядок»):

Карчӓк яла *ӓретлет*,

Тӓтгӓм те пулса ситет;

Карчӓк сӓрет килӓнче,

Сӓкар-тӓвар хатӓрлет.

Кӓнтарас «соглашаться, приходить к согласию» (лит. *килӓштер* «тж.»):

Атте-анне ухмах сав,

Мӓн каласа *кӓнтарас*?

Мӓн тӓвар-ха, кала-ха:

Ӑста каяс, мӓн тӓвас?

Маташ «валандаться, возиться»:

Ларать старик тӓпелте

Сӓпатине сапласа,

Ват ал-ура йӓркипӓ

Мӓшӓл-мӓшӓл *маташса*

Сӓрӓмпӓс «заря, рассвет» (лит. *шурӓмпӓс* «тж.»):

Сӓрӓмпӓсӓ сап-сутах.

Хӓвел тухас пек тӓрать.

Сӓрӓмпӓсӓ шурсанах,

Туй халӓхӓ пухӓнать.

Пичӓке «бочка» (лит. *пичке* «тж.»):

Урхамах пек лаписем

Утӓ-сӓлӓ сисӓсӓ,

Унӑн выльӑх-чӑрлӑхсем
Пичӑке пек ӑӑрӑҫӑ.

Можно сделать следующие выводы. Очень много заимствований из татарского и русского языков. Изучать заимствованные слова надо более глубоко, и мы надеемся, что это будет осуществляться в будущем. Проживание чувашей в соседстве с татарами и башкирами, безусловно, наложило отпечаток на лексику носителей чувашского языка в Приуралье, но все равно чувашский язык самобытен, он не испытал ущерба, а, наоборот, в лице заимствованных из других языков слов обогатил свой словарный состав.

- Levitskaya, L. S. (1976), (Redaktor: B. A. Serebrennikov) *İstoriçeskaya Morfologiya Çuvaşskogo Yazıka*, İzdatelstvo “Navka” Glavnaya Redaktsiya Vostoçnoy Literaturı Moskva, 1976.
- Öner, Mustafa (2007), Türkçede -prAk Zarf-Fiili. Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. Cilt 4, Sayı 3, Mak.39, 68-73.
- Pavlov, İ. P. (1965), *Hal'hi Çıvaş Literaturı Çilhi Morfologi*, Çıvaş ASSR Kineke İzdatel'stvi, Şupaşkar.
- Serebrennikov, B.A.- Gadjeva, N. Z. (2002), (Ter. Tofig Hacıyev), *Türk dillerinin mügayiseli tarihi grammatikası*, Bakı, Seda.
- Sergeyev, L. P. - V. İ. Kotleyev (1988), *Çıvaş Çilhi* (Puşlamış Şkul uçitelisene hatirleken fakultet studençisem valli 2121-miş Noli spetsia'nost'), Şupaşkar.
- Sergeyev, L. P. (1968), *Dialektologičeskiy Slovar' Çuvaşskogo Yazıka/Çıvaş Çilhi Dialektologi Slovı*, ÇKİ, Çeboksarı.
- Sergeyev, L. P. -A. N. Tihonov- T. P. Sergeyeva vd. (1985), *Çıvaş Çilhi Tünter Slovı/Obratny Slovar Çuvaşskogo Yazıka*, ÇKİİ, Şupaşkar.
- Sergeyev, M. S. – A. İ. Vasil'yev, A. S. Sotnikov (1960), *Çıvaş Çilhin Grammatiki*, 1 Payı Fonetikapa Morfologi.
- Skvortsov, M. İ., A. B. Skvortsova (2003) *Çıvaşla-Vırışla tata Vırışla-Çıvaşla Slovar' / Çuvaşsko-Russkiy i Russko-Çuvaşskiy*, ÇKİİ, Şupaşkar.
- Skvortsov, M. İ. (1985), *Çıvaşla-Vırışla Slovar' /Çuvaşsko-Russkiy Slovar'*, Russkiy Yazık, Moskva.
- Tatar Grammatikası (1998), M.F. Zekiev, F. E. Ganiev, D. G. Tumaşeva, K. Z. Zinnetullina; *Tatar grammatikası*, 3 Tomda, Meskev. (=TG).
- Yegorov, V.G. (1957), “Nareçie-Morfologičeskaya nediferentsirovannost' Çuvaşskih Nareçiy i Prilagatel'nıh”, *Materialı Po Grammatike Sovremennogo Çuvaşskogo Yazıka I (Morfologiya)*, Çuvaşskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo, Çeboksarı.

puşlasa “ilkin, birinci” (*zaman zarfı*)
sakkaslatısa “ısmarlama şekilde, sipariş halinde” (*hal zarfı*)
sivılasa “şiiir şeklinde” (*hal zarfı*)
sinlasa “temsili olarak, temsili şekilde” (*hal zarfı*)
şirımlese “yirmi kadar, yirmi civarı” (*sayı zarfı*)
şirlese “yüz kadar, yüz civarı” (*sayı zarfı*)
şullasa “yıllarca, yıllar boyunca”(zaman zarfı)
şüpseletse “sandık sandık” (*ölçü, miktar zarfı*)
tişlese “imalı şekilde” (*hal zarfı*)
timirletse “demir gibi” (*hal zarfı*)
timlese “inatla, ısrarla, dikkatle” (*hal zarfı*)
vitireletse “kova kova, kovalarca” (*ölçü, miktar zarfı*)
yatarlasa “özel olarak” (*hal zarfı*)

Görüldüğü üzere +*lasA* ve +*latsA* şekilleri ile kalıplaşarak Çuvaş yazı dilinde kullanımda olan çok az örnek söz konusudur ve bunlar *sayı, hal, ölçü-miktar* ve *zaman* zarfı olarak kullanılan sözlerdir. Elde ettiğimiz bu listede yer alan örneklerden biri ise, üzerinde durduğumuz kalıplaşmanın boyutunu daha da açık şekilde ortaya koymaktadır. *mal-tan-lasa>mal-tan-lasa* şeklinde donuklaştığı anlaşılan sözün kök (*mal-tan*) kısmında başka bir ek kalıplaşmasının daha yaşandığı görülmektedir: *mal* “ön” +*tan* (çıkma hali eki)>*mal-tan* “önce, önden, baştan”. Çuvaşça üzerine yapılmış gramer çalışmalarında +*lasA* ve +*latsA* eklerini almış sözlerde zarf-fiil ekini çıkardığımızda geriye kalan kısımdaki -*la-* ve -*lat-* bitişli fiil köklerinin yazı dilinde yer almadığı bilgisi verilmektedir (*bk.* YEGEROV-1957: 288). Bu saptamayı en doğru şekilde destekleyen örneklerden birisi de bu bakımdan *mal-tan-lasa* sözüdür. Çünkü çeşitli kalıplaşma olayları dışında bir isim çekim unsuru olan çıkma hali eki -*tan*’ın üzerine hiçbir durumda -*la* isimden fiil yapma eki getirilemez.

+*lasA* ekinin genel Türkçeye ait bir şekil olduğu konusu üzerinde daha önce durmuştuk. Diğer Türk lehçelerinde farklı fonetik biçimleri ile +*lap* şeklinde yer alan ekin Çuvaş yazı dilindeki seyrek kullanımı, söz konusu yapının Çuvaşçada, başka bir Türk lehçesinin etkisi ile kullanılmaya başlanmış olabileceğini de düşündürmektedir. Kıpçak tipindeki Türk yazı dillerinde yer alan -*la-p*>+*lap* şeklindeki kalıplaşmanın Çuvaşçada söz konusu eklerin denklemleri olan -*la* ve -*sa* biçimleri ile sağlanması, bunun Çuvaşların Başkurt ve Tatarlarla birlikte yaşadıkları yüzyıllar içerisinde gerçekleşen bir durum olabileceğini de akıllara getirmektedir. Bu bakımdan L. S. Levitskaya’nın +*lasA* ekli sözleri listelerken örneklerini diyalektlerden seçmesi de ilgi çekicidir: Çuv. dial. *purlasa*, Çuv. dial. *çınlasa vb.* (1976: 116). Bu konu hakkında henüz kesin bir yargıya varamıyoruz. Şimdilik, söz konusu yapının sıklıkla kullanıldığı Çuvaş bölgelerinin tespit edilmesi ve bu yerlerdeki muhtemel Tatar ve Başkurt izlerinin takip edilmesi ile konuya açıklık getirilebileceğini söylemekle yetiniyoruz.

SONUÇ

Varlıklar dünyasındaki bir bilgi çeşidine işaret olmayan ve ancak var oluşta, yani cümlede, oluş-kılışla birlikte kullanım alanında görülen biçimler yani zarflar söz konusudur (ÖNER-2007: 72). Çuvaş yazı diline ait birer *morfolojik* birim olarak bilinen +*lasA* ve +*latsA* şekilleri de zarf olarak kullanılan sözler yaratan, birden fazla ekin kalıplaşması ile ortaya çıkmış *donuk* zarf biçimleridirler. Az sayıdaki örnek ile Çuvaş yazı dilinde bulunan anılan eklere ait kalıplamış zarflar ise dildeki kulanımları ile Çuvaşçanın söz varlığı içinde kendisine özgü bir *leksik* tabaka yaratmaktadırlar. Çuvaşçada zarf yapan ek kadrosu içerisinde *fiillerle oluşan* birer zarf şekli olmaları ile de ayrı bir yere sahip olan söz konusu ek biçimleri, bu çalışmada *yapısal* ve *işlevsel* olarak ele alındığında, bunların donuklaşmış zarflar olduğunu, Çuvaş söz varlığına bağımsız olarak katılan müstakil zarf birimleri gibi davrandığını belirledik

KAYNAKLAR

- Aşmarin, N. İ. , *Çıvaş Sımahisen Kineki*, C. 1, Kazan 1928; C. 2, Kazan 1929; C. 3, Çeboksarı 1929; C. 4, Çeboksarı 1929; C. 5, Çeboksarı 1930; C. 6, Çeboksarı 1934; C. 7, Çeboksarı 1934; C. 8, Çeboksarı 1935; C. 9, Çeboksarı 1935, C. 10, Çeboksarı 1936; C. 11, Çeboksarı 1936; C. 12, Çeboksarı 1937, C. 13, Çeboksarı 1937; C. 14, Çeboksarı 1937; C. 15, Çeboksarı 1941; C. 16, Çeboksarı 1941; C. 17, Çeboksarı 1950; C. 18, Çeboksarı 1965.
- Bayram, Bülent (2007); *Çuvaş Türkçesi-Türkiye Türkçesi Sözlük*, Konya: Tablet Yay.
- Dmitriev, N. K. (1950), *Başkort télénén grammatıkahı*, Öfö: “Başgosizdat”.
- Dimitriyeva, Y. (2001), *Çuvaşskie Narodnie Nazvaniya Dikorastuyuşih Rasteniy*, Debrecen.
- Fedotov, M. P. (1966), *Çuvaşskiy Yazık*, İzdatel’s tvo Çuvaşskogo Universiteta, Çeboksarı.
- Grønbech, K. (2000), *Türkçenin Yapısı* (Çev. Mehmet Akalın), Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara.
- Güzel, Sinan (2008), Türkçede -IA-p > +IAp Zarf Kalıplaşması: Tatarca ve Başkurtça Örneği, VI. Uluslar arası Türk Dili Kurultayı, 20-25 Ekim.

Воронцова Ольга Петровна
(г. Йошкар-Ола)

ЭТНИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА КАК ОБРАЗНО-ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Этническая ономастика – наука о личных именах, названиях географических объектов и небесных тел, именах мифических персонажей, именах богов, богов-покровителей родов, названиях народов, наций, племен и родов, является одной из уникальных форм отражения национальной культуры.

Раскрывая содержательную структуру ономастики с точки зрения культурологической концепции, мы рассматриваем в ней мир смыслов, знаков и совокупности знаков, в которых «зашифрована» социальная информация с определенным содержанием, значением, смыслом.

Академик В.С. Мухина в одной из своих статей рассматривает национальную культуру как образно-знаковую систему и как систему ценностных ориентаций народа, тесно связанных с мировоззрением, психологией, народной педагогикой и этнопедагогикой народов. Она считает, что «Человечество создало сложную реальность образно-знаковых систем, которая представляет фундаментальный пласт культуры, как условие развития и бытия личности, как орудие психической деятельности, содействующее «сгущению» мыслей, как первооснова нашей земной человеческой и личностной судьбы» (4, 24). Культура любого народа имеет свою знаковую систему, состоящую из естественных, функциональных, иконических и вербальных знаков.

Как нам известно, в качестве функциональных знаков могут выступать предметы, которыми пользуются люди в течение жизни; действия, такие как мимика, жесты, сигнализирующие чувства, эмоции, намерения и мысли, иными словами «язык тела». Поскольку топонимика является «языком земли», через нее мы можем выявить знаки-признаки, функциональное значение которых дает дополнительную, иногда уникальную информацию для исследователя.

По мнению В.С. Мухиной, «весь мир предметный многообразный и природный мир есть система внешних образов – реальных воплощений долгого пути человечества к современной культуре» (4, 24). Она считает, что «образы и знаки как реальность человеческого бытия условно могут существовать раздельно, но чаще всего они соединены нашей культурой и нашей психикой в нерасторжимом единстве образно знаковых систем» (4,28). Ономастические имена можно рассматривать как систему образов, а в топонимическом материале можно выделить функциональные знаки, т.е. знаки-признаки.

Знаки-признаки – это уникальная область культуры народов, отражающая тесную связь этносов с окружающим миром природы и людей, позволяющая узнавать что-либо, ориентироваться, определять свое место нахождения. Примером такой взаимосвязи можно рассматривать наличие в культуре народа названий звезд и созвездий, которые являются знаками-ориентирами направления и времени.

Многими народами в качестве знаков-ориентиров принято считать Полярную Звезду и Венеру. Полярная Звезда (Кава менге/ Небесный столб) для путника ориентир на север, Венера (Чолпан) считается самой яркой звездой-планетой, она естественный показатель времени, сторон горизонта, так как появляется на небосводе рано утром (Эр Чолпан шудыр) или поздно вечером со стороны запада (Кас Чолпан шудыр). Небесным телам, звездам названия были даны по ассоциации с земными предметами, явлениями, географическими объектами. Звездное небо сравнивается с небесной рекой (юмын энгер), небесным хлебом (юмын вута), небесным стадом (юмын куту). Звезды имеют следующие марийские названия: Созвездие Плеяды (Шокте шудыр/Сито звезда, Лудо пыжаш/ Утиное гнездо), Млечный Путь (Кайык комбо корно/Гусиная дорога, Лудо корно/Утиная дорога, Йуксо корно/ Лебединая дорога), Созвездие Лося (Шордо шудыр, Юмын имне/Небесный конь, Юмын тага/Небесный баран, Юмын ушкал/Небесная корова), Созвездие Лебедя (Йуксо шудыр, Юмын кайык шудыр/Небесной птицы звезда). Очертания звезд могли напоминать людям разные образы: Большая медведица (Кугу корка/Большой ковш), Малая Медведица (Изи корка / Малый ковш).

Марийцы, как и все народы мира, воспитывают своих детей на примере образов персонажей сказок, мифов, преданий и легенд, наделенных физическими достоинствами и нравственными добродетелями, являющимися образцами для подражания: Онар, Чумбулат, Чоткар, Акпатыр, Курык Лемде Кугыз, Пампалче, Акпарс и т.д.

Сказочные герои представляют собирательный образ предков, прародителей рода или племени; создают образ богатыря, борющегося с чужеземцами за свободу и независимость, и всегда побеждающего. В сказках воспеается доблесть, превозносится мужество и физическая сила, мудрость и рассудительность, красота, любовь к родине и ближнему, преданность своему народу, победа добра над злом. Такое восхваление

своих национальных героев преследовало определенные цели: воспитание подрастающего поколения посредством возвышенных и благородных идей и образов, способствовало единению народа, почитания старших, возрождению гордости за свой народ, осуждению обмана и человеческих пороков.

Многие герои сказок, легенд и преданий большей частью имеют ассоциации с реальными географическими объектами, предметами, явлениями: Хозяин Горы/ Дух Горы - Курык Кугыза (Оза)/Кугурак (гор. Карман, гор. Чумбулат, гор. Турек, гор. Аркамбал, гор. Акпатыр, гор. Чоткар и др.), Дух/Хозяин р. Немды - Немде Кугыза/Лемде Курык Кугыза, Акпатыр - дер. Акпатыр(оф. Акпатырево), Акпарс – дер. Акпарс шурго (оф. Испаринск), Чумбулат - Чумбулат Курык – гор. Чумбулат, дер. Чумбулат, дер. Мари Чумбулат, дер. Русская Чумбулат, дер. Изи Чумбулат и др.(2).

В топонимах отражается образ уникальной природы Марийского края. Красота географических объектов раскрывается с помощью употребляемых прилагательных: серебряный (ший), белый (ош), черный (шеме/шиме), красный (йошкар): (дер. Ший памаш, дер. Шийсола, Ший керемет корем, бол. и дер. Ошкуп, оз. Ошйар, р. Шимваж, дер. Шим/Шем памаш, р. Шимышей, овр. Шимйар, р. Шим/Шем энгер, оз. Шемшер, р. Шемэнгер, Йакшар ангыр, Йошкар корем, Йошкар куп, Йошкар памаш) (2). Маркировка цветом топонимических объектов дает характеристику физико-географическому объекту, но семантика цвета может быть связана с восприятием пространства и времени. Красный цвет успешно реализуется в триаде белое-красное-черное, как граница, рубеж света и тьмы, дня и ночи, неба и земли. Он также имеет промежуточный характер связи среднего мира с верхним и нижним миром. Серебряные украшения являются наиболее любимыми и ценными у марийцев, поэтому сравнение с серебряным цветом и использование его в номинации весьма продуктивно.

Марийцы поклоняются природным божествам. Согласно языческой вере, моления проводятся в близи источников, среди раскидистых деревьев, на возвышенности. Марийцы верят, что возвышенности и горы являются местом, где лучше устанавливается связь с Космосом, где легче перейти на новый уровень жизни, поэтому культ поклонения Духу Горы (Курык Кугыза) способствовал возникновению мифологически воспринимаемой личности, выделившегося из числа других людей, обладающего исключительностью, индивидуальностью, благодаря своему социальному положению в иерархической структуре общества. Именно такого рода герой был достоин занять определенное место в жизненном пространстве социального мира, мог уподобляться горным вершинам. Таковыми являются Лемде/Немде Кугыза (р. Немда), Курык Кугыза/Чумбулат/Кугурак(гор. Чумбулат). Арын Патыр (гор. Арын), Турек Кугыза (гор. Турек), Карман Курык Кугыза (гор. Карман), Киебак Умбал Кугурак (гор. Киебак), Кундыш Кугыза (р. Кундыш), Рыдевак Кугыза (р. Рутка), Юл Умбал Кугыза/Юл сер Кугурак (р. Волга), Одо Карман Кугурак (гор. Удмуртская), Мышкар Курык Кугыза (гор. Мышкар) (2). Отождествление Курык Кугыза/Кугыраков с отдельными горами и возвышенностями, «ассоциирование впоследствии их с духами этих объектов свидетельствует о том, что природный мир воспринимается уже как социально освоенный мир с его антропоморфизованными знаковыми ориентирами. Таким образом, окружающее пространство представлено не как однородно воспринимаемая реальность, а через социально обозначенные субъектно маркированные природные объекты. Перед нами вырисовывается антропоморфизованное понимание пространства. Это не просто очеловеченное, окультурованное пространство. Оно включено в ткань социальной реальности, так как воспринимается как поле реализации мирских отношений. Вот почему его следует обозначить социализированным пространством» (3,162).

Река и гора для марийца являлись важными природными и социальными ориентирами. Для северо-восточных марийцев река Вятка и священная гора Чумбулат с местом пребывания в них Духов Кутыенга и Вичудыр, становятся знаковыми ориентирами понимания родной земли, посредством этого культа формируется связь с социализированным представлением пространства, осмыслением родины, родной земли. Культ Чумбулата выходит за рамки собственно религиозного культа и представляет собой культ Родины, каковым явилось правобережье среднего течения реки Вятка и прилегающая к нему территория, где происходил процесс консолидации марийцев. Для мигрирующих марийцев адаптация, а затем и вписанность этнически воспринимаемого социума в природно-ландшафтную реальность, заключала в себе реальный смысл. Гора и река должны были быть неперенными атрибутами, в миниатюре повторяющими священную гору Чумбулат и реку Вятку на их новом месте обитания. «Это не просто стремление воспроизвести микромодель сакрального, а значит, социально-освоенного и этнически породненного пространства, думается, тут проявляется способ понимания и образ мышления людей. Столь широкая распространенность данного явления свидетельствует о более глубоком восприятии самого культа Кугурака» (3, 163). Отсюда возникает процесс повторяемости, копирования названий географических объектов. Частичка прежней родины должна присутствовать рядом, напоминать о Земле предков. «На наш взгляд, интересен ареал распространения топонима Морко. В настоящее время один из районов республики носит название Моркинский и его районный центр – Морко (оф. Морки). В самом районе встречаются две деревни с апеллятивом Морко: дер.

gerçekleştiğini belirtmiştik. Bu durumda anılan *+IatsA* ve *+IAsA* şeklindeki yapılarla ortaya çıkan zarflaşma örneklerinde artık Çuv. *-sA* zarf-fiil ekinin tarz bildirici işlevinin varlığından söz edilemez. Burada artık kalıplaşmış *donuk* zarflar söz konusudur.

Vermiş olduğumuz bu bilgilere ek olarak, *+IAsA* şekli hakkında Çuvaş gramerlerinde yapılan değerlendirmelerin de konu üzerinde varılacak sonuçlara katkı sağlayacağını düşünüyoruz:

İ. P. Pavlov *+IAsA* biçimini *-sA* şeklinin eklenmesi ile zarf-fiil formunda sözler yaratan bir ek olarak ele almış ve *malanlasa* “ilkın, öncelikle”, *harışlatsa* “hep birden, hep birlikte” , *yatarlasa* “özel olarak”, *şirımlese* “yirmi kadar, yirmi civarı”, *şirlese* “yüz kadar, yüz civarı”, *pinlese* “bin kadar, bin civarı”, *kıtületse* “sürü sürü”, *irlese* “sabah erken, sabahleyin” vb. örneklerini sıralamıştır (1965: 306).

M. S. Sergeyev’in kendi gramerinde *+IAsA* şeklini “zarflar” başlığı altında değerlendirdiğini görmekteyiz. Sergeyev, *çeşitli eklerin birleşmesi ile ortaya çıkmış zarflar* alt başlığında yer verdiği *+IAsA* ekini *irlese* “sabah erken, sabahleyin”, *pinlese* “bin kadar, bin civarı” ve *çinlasa* “gerçekten de, sahiden” sözleri ile örneklemiştir (1960: 116).

Söz konusu şekli *-lA* fiil yapma ve *-sA* gerundiyum eki ile açıklayan L. S. Levitskaya ekin Tatarca, Başkurtça ve Özbekçe gibi Türk lehçelerindeki *+lAp* şekli ile paralel olduğunu bilgisini vermektedir: Çuv. dial. *purlasa* ~ Tat. *parlap* “çift olarak”; Çuv. dial. *çinlasa* ~ Tat. *çınlap* “gerçekten” vb. (1976: 116).

Bu konuda L. P. Sergeyev ve V. İ. Kotleyev, *fiil formu ile ortaya çıkan zarflar* içinde değerlendirdikleri ekin bir zarf-fiil şekli olarak karşımıza çıkmasına rağmen bugünkü dilde buna zarf-fiil demenin mümkün olamayacağını belirtmektedirler. (1988: 302)

V. G. Yegerov, kimi zarf şekillerinin, gerundiyumlarla düzenlenen yapay ve donuk fiil şekilleri olduğunu belirtir ve *irlese* “sabah erken, sabahleyin”, *malanlasa* “ilkın, öncelikle”, *çeresletse* “bardak bardak”, *vitreletse* “kova kova, kovalarca”, *çinlasah* “gerçekten” örneklerini sıralar. *Yegerov* ayrıca çağdaş Çuvaş Yazı dilinde *irle-*, *malanla-*, *çereslet-*, *vitrelet-*, *çinla-* fiillerinin yer almadığı bilgisini vermektedir (1957: 288).

M. P. Fedotov ise *-la/-le* türetme eki ve *-sa/-se* gerundiyum ekleri ile açıkladığı *+IAsA* şeklinin sayılarla kullanılan ve nicelik zarfları yapan yeni sözler yarattığı bilgisini vermektedir: Çuv. *şirım-lese* ~ Tat. *yégérémé-lep* “yirmi civarı, yirmi kadar”; Çuv. *şir-lese* ~ Tat. *yöz-lep* ~ Türkm. *yüz-lep* “yüz civarı, yüz kadar”; Çuv. *pin-lese* ~Tat. *mén-lep* ~ Türkm. *mün-lep* “bin kadar, bin civarı”(1966: 291).

Yukarıda anılan çalışmalarda verilen bilgileri kısaca değerlendirdiğimizde, genel olarak belirttiğimiz düşünceleri destekler nitelikte ifadelerin kullanıldığını görmekteyiz. Özellikle L. P. Sergeyev ve V. İ. Kotleyev’in ortak çalışmalarındaki açıklamalarla V. G. Yegerov’un söz konusu yapı ile ilgili fikirleri, *-sA* ekinin atılması durumunda kalan kısmın bir fiil olarak devam edemeyeceği, *+IAsA* şeklinde yer alan *-sA* gerundiyumunun artık burada canlı bir ek olarak düşünülemeyeceği yönündedir⁸. Pavlov’un ekin zarf-fiil biçiminde sözler yarattığına dair verdiği örnekler ise söz konusu şeklin zarf-fiil işlevinde değil aksine doğrudan zarflar yaratan *donuk* bir ek olarak kullanıldığını göstermektedir: *yatarlasa tuni kimî şine lartimür...* “özel olarak yapılmış sandala oturduk...” (PAVLOV-1965: 306).

3. ÇUVAŞÇADA *+IAsA* ve *+IatsA* EKLI ŞEKİLLER

Çuvaşçada *+IAsA* ve *+IatsA* ekli sayılı zarf bulunmaktadır. Aşağıda verilen listede yer alan örnekler yapılan metin ve sözlük taramalarında karşımıza çıkan şekilleri içermektedir.

çinlasah “gerçekten de, sahiden, cidden, hakikaten” (*hal zarfi*)

çiresletse “bardak bardak” (*ölçü, miktar zarfi*)

çuhlasa “planlı şekilde” (*hal zarfi*)

grammlasa “gram gram” (*ölçü, miktar zarfi*)

harışlatsa “hep birden, hep birlikte, birden, bir çırpıda” (*hal zarfi*)

irlese “sabah erken, sabahleyin” (*zaman zarfi*)

kiretletse “açıkça, utanmadan, çekinmeden” (*hal zarfi*)

kıtületse “sürü sürü” (*ölçü, miktar zarfi*)

malanlasa “öncelikle, ilkin” (*zaman zarfi*)

pıtlasa “teneke teneke; put put” (*ölçü, miktar zarfi*)

pillese “istekli şekilde, arzuyla” (*hal zarfi*)

pinlese “bin kadar, bin civarı” (*sayı zarfi*)

pusahlasa “zorla” (*hal zarfi*)

⁸ Benzer olarak *Tatar Grammatikası*’nda da söz konusu ek ile ilgili olarak *+lAp ekli sözlerin dilde gerçek fiil şekilleri yoksa bunlar şüphesiz zarf oluşturur* bilgisi verilmektedir (TG- 909. §). Ancak Tatarcaya dair verilen bu bilgi *başlap* “itibaren, sonra; ilkin, önce”; *kabatlap* “tekrar, yeniden” gibi örneklerde söz konusu edilemez; çünkü anılan zarfların *-lA* ekli fiil şekilleri Tatarcada kullanımdadırlar: *başla-* “başlamak, girişmek; yöneltmek”; *kabatl-* “yinelemek, tekrarlamak, tekrar etmek, ısrar etmek, tutturmak”.

ÇUVAŞÇA -*LA(T)SA* ÜZERİNE ЧӐВАШ ЧӐЛХИНЧИ -*ЛАСА/-ЛЕСЕ* АФФИКС СИНЧЕН

Kuzey-Batı Türk dili alanının Kıpçak tipinden olmayan biricik yazı dili olan Çuvaşça, gerek söz varlığı gerekse gramer şekilleri bakımından kendisine has özellikler taşımaktadır. Çuvaşçanın yazı diline ait bu özellikleri, barındırdığı leksik ve morfolojik unsurlarla oldukça ilgi çekici ve karakteristik bir yapıya sahiptir. Söz konusu yazı diline ait zarflık bir yapı olarak bilinen *+LA(t)SA* ekinin de morfolojik bir birim olarak üzerinde ayrıca durulması gereken bir gramer şekli olduğunu düşünüyoruz.

Bu çalışmada, öncelikle Çuvaşçanın zarf kategorisini besleyen kalıplaşmış ek biçimleri hakkında bilgi verilecektir. Sonrasında ise, bu anılan ekler arasında ayrı bir öneme sahip olduğunu düşündüğümüz *+LA(t)SA* şeklinin yapısı, Çuvaşçadaki işlev ve kullanımları üzerinde durulacaktır. Ayrıca, ekin birlikte kullanıldığı örnekler tespit edilerek söz konusu yapı üzerinde bazı değerlendirmelerde bulunulacaktır.

1. Çuvaşçada zarf kategorisi diğer Türk lehçelerinde olduğu gibi hal sisteminden çıkan biçimler, tekrarlar, sıfat biçimleri, toplu sayılar, zarf-fiiller, leksik ve morfolojik bakımdan soyutlanmış sözler ile sağlanabilmektedir. (SEREBRENNIKOV-GADJIEVA 2002: 315). Bizi ilgilendiren kısmıyla eklerle gerçekleşen zarflaşma olgusu ise Çuvaşçada *-In*, *-LA* ve *-çen* gibi zarf yapma ekleri ve birtakım sözlerde kalıplaşarak zarflar yaratan morfemler ile sağlanmaktadır.

ÇUVAŞÇADA SÖZLERDE KALIPLAŞAN EKLER

Diğer Türk yazı dillerinde olduğu gibi Çuvaşçada da birtakım ekler, kimi sözlerde kalıplaşarak yeni zarflar yaratmaktadır. Çuvaşçada söz konusu eklerin kalıplaştığı kelimeler, dildeki kullanım alanlarına göre şöyle sınıflandırılabilir:

a) BULUNMA HALİ (*VİRİN PADEJ FORMI*): Bulunma hali eki *-ta* ve yön bildiren *-alla* eklerinin kalıplaştığı örnekler: *ışta* “nerede”, *ništa* “hiçbir yerde, hiçbir yere”, *tatśa* “herhangi bir yerde”, *kunta* “buraya, şuraya, burada, şurada”, *ıştalla* “nereye, bir yere”, *ništalla* “hiçbir tarafa”, *tatśalla* “bir yere”, *kuntalla* “buraya doğru, şuraya doğru” vb.

b) ÇIKMA HALİ (*TUHU PADEJ FORMI*): Çıkma hali eki *-tan* ve *-ran* ile kalıplaşmış sözler: *ıştan* “nereden” *niştan* “hiçbir yerden”, *śakītan* “buradan, bundan”, *īnsītran* “beklenmedik şekilde, aniden, tesadüfen”, *śavīntan* “oradan, o yerden” vb.

c) VASİTA HALİ (*PIRLELIH PADEJ FORMI*): Vasıta eki *-pA* ile kalıplaşmış örnekler: *kunipe* “gün boyu”, *śiripe* “gece boyunca”, *uyīhipe* “ay boyunca”, *hīlipe* “kış boyu”, *yalipe* “tüm köyler”, *tīnçipe* “tüm dünyada” vb.

ç) FİİLLERLE OLUŞAN ZARFLAR (*GLAKOL FORMINÇEN PULNĠ NAREÇISEM*): *-sA* zarf-fiil ekinin kalıplaşması ile ortaya çıkan örnekler: *irlese* “sabah erken, sabahleyin” *kīretlese* “açıkça, utanmadan, çekinmeden”, *kītūletse* “sürü sürü”, *malanlasa* “öncelikle, ilkin” vb.

d) Söz öbeklerinin kalıplaşması ile öğelerinin kendi anlamlarını yitirmesi ile ortaya çıkan zarflar: *kīrkunne* (<kīr kunī+ne) “sonbahar, güz”, *śurkunne* (<śur kunī+ne) “ilkbahar”, *kīśīr* (<ku śīr) “bu gece” vb.

2. Görüldüğü üzere Çuvaş yazı dilinde *ek kalıplaşmaları* ile gerçekleşen çok sayıda zarflaşma örneği yer almaktadır. Söz konusu şekiller arasında yer alan *+LAsA* ve *+LAtsA* biçimleri de Çuvaşçada zarflar yaratabilen tipik birer zarf eki olarak dikkat çekmektedirler. Çuvaşçanın morfem kadrosunda özel bir yere sahip olan bu *+LAsA* şeklini almış sözlerde *-LA* ve *-sA* şeklinde, işlevlerini canlı şekilde sürdüren iki ayrı ek söz konusu değildir. Burada artık *-LA* isimden fiil yapma eki ve *-sA* zarf-fiil ekleri, tek başlarına, kendi işlevleri ile yer almazlar. Bu durumda *-LA* ve *-sA* eklerinin kalıplaşmasıyla tek bir *zarf ekinin* ortaya çıkması söz konusudur. Türk lehçelerinde görülen *+LAp⁷* zarf yapma eki ile paralel bir yapıya sahip olduğu görülen bu *+LAsA* zarf ekini, *sözlerin bağımsız bir kelime olarak ayakta durmasının tespitinin cümlede bulundukları yer ile sağlanabileceği* (GRONBECH–2000: 37. §) bilgisinden hareketle Çuvaş yazı dilinde belirleyebiliyoruz. *+LAsA* ekinin yanı sıra *-t* faktitif ekli *+LAtsA* biçiminin de bu *-sA* zarf-fiil ekli kalıplaşmanın içinde değerlendirildiğini görmekteyiz. (bk. PAVLOV-1965: 306; YEGEROV-1957: 288).

Söz konusu zarf eklerindeki donuklaşmanın *-LA* *+(t)+sA* > *+LA(t)sA* şeklinde bir gelişme ile

Изи Морко и Тыгыде Морко, в Волжском р-не дер. Моркыял, в Звениговском р-не дер. Морканаш. В Сернурском крае также встречаются топонимы с данным аппелятивом: дер. Моркенер, Ономорко, Ономорко Купсола, Марисола Ономорко (ономоркинская), Изи Морко – на границе с Кировской обл. в составе Кузнецовского а/с. В списках населенных мест Вятской губернии (Списки 1876) в Вятском, Орловском, Елабужском, Уржумском, Котельническом, Яранском уездах таких топонимов было гораздо больше: дер. Морки (Пыхтаевская), Морки Верхние, Морковский (Ивановская мельница) при реч. Шижме, Моричи при устье р. Медянке, Моркинская (Шильниковы) при р. Балакеревицы, Морможаты (Егоров) при р. Пилинке, дер. Морковщина (Игнатия Огордникова Сословщина) Моркваши при ключе Моркваши, Моркинер, Кукшуморка, Верхняя Моркинери, Нижняя Моркинери. (1,10-11).» Дополнить этот список можно следующими названиями: Моркенер (Паранг. р-н), Морко корем (Морк. и Серн. р-ны), р. Яморка (Новотор. р-н) дер. Моряны, дер. Идомор (Киров. обл) дер. Морга, дер. Моргауши, р. Моргушка (Чуваш. р.) Моркино городище, Моркино горы (Твер.обл).

Через культ Чумбулата осмысливается и социальное пространство. Обожествление воды марийцами и поклонение Духу Водоема (Вуд Оза, Вуд Юмо) имеет глубокие корни. В универсальной системе представлений о Вселенной первичным материалом ее в марийской версии является то, как утка нырнула на дно океана для того, чтобы захватить своим клювом землю со дна морского и образовать сушу. Марийцы обращаются к священной Земле-Воде, поклоняются Духам земли и воды, которые обитают где то рядом, но не видимы. Чтобы почтить и задобрить Дух Матери Воды, в источник бросали серебряные монеты, бисер, бусинки, произнося при этом пожелания и просьбы, проводили обряд повязывания ленточек (лоскутков ткани) определенного цвета у истока. Почитание воды и рек нашло отражение во многих топонимах: Сайвер (оз. Прекрасное), Киндымцоклымвер (оз. Место, где молятся хлебом), Кукеремет арка (возв. Камень родового духа-хранителя), Агавайрем кусото (мольбище), Агавайрем куэр (мольбище-березняк), Шушпык-мур (р. Соловьиных песен - лев.пр. р. Рутки) и др. (2).

Марийцы поклонялись не только божествам, они с почтением относились к окружающему миру – рекам и озерам, горам и лесам, зверям, птицам, растениям – всему живому и неживому. И если приходилось убить животного, срубить дерево, рыбачить в водоеме, собирать плоды, работать на каменеломнях, непременно перед своим действием обращались за разрешением к конкретному Духу, Хозяину. Задабривали его угощениями или подарками. Только после такого общения с Духом могли пользоваться их благами. Существовал ряд табу при посещении леса, горы, источника: нельзя спешить и суетиться, ломать ветки кустарников и деревьев, окружающих водоем, осквернять культовые объекты, рвать цветы, бросать предметы, загрязняющие водоем, кричать и сквернословить. Гармония природы и ее ритм должны сохраняться при любых обстоятельствах.

В контексте культуры ономастические имена, в том числе и топонимы, могли выступать в качестве знаков-эталонов. Названия рек и озер, водных источников и гор, имена сказочных героев в устном народном творчестве (особенно в заговорах и молитвах) представляют собой образец для сравнения и подражания: Элнет гай (р. Илеть), Немда гай (р.Немда), Ушут гай (р. Ушут), Кичиер гай (оз. Кичиер), Какшан Вуд гай (р. Кокшага), Юл вуд гай (р. Волга), Яндар памаш шинча гай (Как чистый глаз родника), Онар гай, Чумбулат гай, Акпатр гай, Карман курык гай (гор. Карман), Аркамбал курык гай (гор. Аркамбал), Оно вуд гай (р. Она) и др. Изучение этих имен-образов позволяют расширить наши познания о представлении народа об идеале совершенной этнической личности.

Таким образом, ономастические имена являются отражением мировоззрения и культуры народа, где природа являлась Высшей Ценностью. Мировоззрение марийцев соответствует основному содержанию их традиционной культуры воспитания, которая рассматривала природу как существенный фактор, объединяющий в единое целое все стороны формирования личности. Успешное развитие личности возможно лишь при условии проникновения в природу человеческой души, согласованных действий с природой. Поэтому марийцу с детства внушали, что хорошим и добрым, благоприятным и приличным является то, что состоит в гармонии, согласии с природой.

Литература

1. Воронцова О.П. Край родной мой Сернурский: Монография / О.П. Воронцова. - Йошкар-Ола, 2002. – 116 с.
2. Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ: / О.П. Воронцова, И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Из-во Мар. полиграфкомбината. – 2002. – 424 с.
3. Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари: Феноменология традиционного восприятия: Монография. Мар. Гос. ун-т. – Йошкар-Ола. – 2003. – 216 с.
4. Мухина В.С. Феноменологическая сущность мифов и реалий личности / В.С. Мухина // Развитие личности. – 2005. - №3. – С.11-30.

* Arş. Gör., Ege Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Türk Dili ve Edebiyatı Bölümü, İZMİR

⁷ Söz konusu *+LAp* eki Türk lehçelerinde farklı fonetik şekilleri ile yer alan, *-LA* isimden fiil yapma eki ve *-p* zarf-fiil ekinin kalıplaşması ile oluşmuş bir zarf ekidir, özellikle Kıpçak tipindeki Türk yazı dillerinde geniş şekilde kullanılan bu ek, çeşitli zarflık halleri karşılayan sözler yaratmaktadır. (daha geniş bilgi için bkz. TG-1998: 909. §; DMITRIEV-1950: 125-126; TG-1998: 909. §; GÜZEL-2008)

Габсаттарова Гюзель Радифовна
(г.Альметьевск)

ТАТАР ТЕЛЕНДӘ СӨЙЛӘМНЕ БЕЛДЕРҮЧЕ АВАЗ ИЯРТЕМНӨРЕ [ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ РЕЧЬ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ]

Татар телендә ияртемнәр бай һәм гаять катлаулы система төшкел итәләр. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясендә алар мөстәкыйль сүз төркеме буларак өйрәнелә. Ияртемнәр “мөстәкыйль мәгънәле башка сүзләр кебек үк, чынбарлыктагы күренешләрне белдерәләр, тик башкалардан аермалы буларак, аваз составлары ягыннан шул күренешләрнең реаль чагылышына якынлаштырылган булалар” [Татар грамматикасы, 2002:422-423].

Ияртемнәр дөньядагы барлык телләрдә дә куллынылалар, ләкин аларның күләмен аерым бер телдә төгәл билгеләү мөмкин түгел. Кагыйдә буларак сүзлекләрдә ияртемнәр бирелә, ләкин алардан тыш телдә кирәк булган сәң ясала торган яңа ияртемнәр дә очрый. Яңа ияртемнәр моңа кадәр таныш булмаган гадәти түгел тышкы тавышлар, күренешләр, төрлө вакыйгалар, образлар белән очрашканда барлыкка киләләр.

Теге яки бу телдә ияртемнәрнең барлыкка килүе шул телдә сөйләшүче халыкның мәдәниятына, географик урынына, һөнәрнә, көнкүреш шартларына, хезмәтнә бәйләнгән. “Аваз һәм образ ияртемнәрнең халыкның дөньяга карашы, шушы тавышны чыгарган предметка мөнәсәбәте, тәрбиясе – көнкүреше, культурасы да билгелә бер дәрәжәдә чагылыш таба” [Абдуллина, 1999:266].

Татар әдәби теле ияртемнәргә бай һәм язучылар ияртемнәрнең төрлө формаларын ижатларында киң файдаланалар. Мәгълүм булганча, аваз ияртемнәре семантик яктан берничә төркемгә бүленә [Хисамова, 2006:292]. Мәгънә мөнәсәбәтләре ягыннан бер үк төркемчөгә кергән ияртемнәр дә бик күп төсмерләре белән бер-берсеннән аерылалар. Мәсәлән кешенәң аңлаешсыз сөйләмнән белдерү өчен дә татар телендә берничә төрлө ияртем кулланыла. Нинди ияртем кулланылуына карап язучының сөйләм хужасына нинди мөнәсәбәттә торуын, аның кайсы ягын сыйфатлавын күрергә мөмкин. Жыеп анализлаганнан соң аңлаешсыз сөйләмне белдерүче аваз ияртемнәрен түбәндәгә төркемчәләргә аерырга мөмкин:

1. Ямьсез, туйдыргыч, күңел кайтаргыч сөйләмне белдерүче аваз ияртемнәре. *Хәлим инде аерылып китәргә тора, ә теге авызын ерган, шырык-шырык көлп Анатолий белән дыгыр-дыгыр сөйләшеп тора* (И.Гази). *Көне-төне дыр-дыр дыгырдап йөри торган каенанасының эч पोшыруының авырлыгын да ул сизмәде* (Г.Исхакий).

2. Бер койдә тыныч кына, өзлексез сөйләп торуну белдерүче аваз ияртемнәре. *Мулла бабай көймә төбенә тезләнеп күзләрен күккә төбәде, авыз эченнән медер-медер дога укырга кереште* (З.Хөсния). *Кечкенә яктан аның авыру апасы Мәрәмбикә белән кечкенә сеңжесенең мыдыр-мыдыр сөйләшкәннәре ишетелде*. (Г.Бәширов). *Бөтен вагон мыр-мыр сөйләшә. Сугыш турында түгел, ә тормыш, яшәү җае турында*. (М.Мәһдиев). *Бүрәнә аркылы кемнәрнеңдер быдыр-быдыр сөйләшүләре ишетелде*. (А.Гыйләжев). *Хәйбулла коданың иңбашлары селкенеп-селкенеп куя, мыгыр-мыгыр нидер сөйләнә*. Ә.Еники. *Залда ләңгер-ләңгер сөйләшәләр*. (Ф.Шәфигуллин).

3. Серле, ишетелер-ишетелмәс, яшерен сөйләмне белдерүче аваз ияртемнәре. *Никадәр генә игътибар итмәскә тырышсам да, сизәм, дәрәс тыңлау бетте – кырын күзләре белән мине “кашыйлар”, авызы колакка куеп пыш-пыш сөйләшәләр*. (А.Гыймадиев). *Янымда утыручылар пышы-пышы киләләр*. (Ф.Садриев). *Капка төпләренә җыелган апалар узара пыш-пыш килделәр*. (Ф.Садриев). *Капка артында сак торучы кеше бар иде, ахрысы, чыш-пыш килеп сөйләшкән тавышлар ишетелде, берәздән соң алары да тынды*. (В.Имамов).

4. Тавышның көчлелелгән, күплеген белдерүче аваз ияртемнәре. *Эчтә ике кешенең сөйләшкән тавышы беркавым басылып тора, аннары тагын җанланып гөлдәр-гөлдәр итә башлый*. (И.Гази). *Ниһаять, берзаманны тантана башланыр вакыт җитте бугай, залда гөр-гөр килеп сөйләнүләр, йөгереп йөрүләр бетте*. (В.Имамов).

5. Сөйләмнең матурлыгын, жанга ятышлы булуын күрсәтүче ияртемнәр: *Карпов аны бар дип тә белми, теге хатын белән чүкер-чүкер сөйләшәләр*. (М.Әмир). *Карлыгач кебек чекер-чекер нидер сөйләп килгән Надя Евгений Николаевичка сыенып, нидер сизгән кебек, тынып калды*. (И.Гази). *Көз яшь ханым кем беләндер чырык-чырык килеп озаклап телефоннан сөйләшә*. (Р.Гыйззәтуллин). *Чөлдәр-чөлдәр нидер сөйләштеләр, тик лапас-кура ягыннан сүзләре чоланга ук кереп җитмәде*. (А.Гыйләжев).

Мисаллар күрсәткәнчә аваз ияртемнәре ярдәмдә автор үзенең персонажына тискәре сыйфатлар бирергә теләгәндә лыгыр-лыгыр, лақы-лоқы, лар-лар, лыр-лыр, мыгыр-мыгыр кебек ияртемнәрдән файдалана һәм алар ярдәмдә персонажның тупаслыгын, дорфалыгын, аның сөйләмнең ямьсезлеген күрсәтә, ягъни тыңлаучыда сөйләүчегә карата тискәре мөнәсәбәт, тискәре эмоцияләр тудыра. Ә инде

одновременно эмоционально-оценочное значение, характеризующее отношение говорящего к поведению адресата: досаду, раздражение. *Немой али мый? Мыйла он шыась?* «Немой что ли? Почему не откликаешься?» [Шахов: 1985, 211]. В вопросительных предложениях этого типа негативно оценивается поведение адресата, а именно то, что адресат не совершает действия, которые кажутся целесообразными говорящему. Подчеркнем, что показателем наличия побудительного значения является отсутствие ответной реплики, содержащей информацию, в которой нуждается говорящий. И так, частновопросительные предложения данных типов могут выражать и побуждение к действию, и запрет на действие, называемого глаголом. В коми языке также можно встретить частновопросительные предложения с вопросительным словом *кытчö* «куда». Известно, что такие предложения в своей первичной функции выражают запрос информации пространственного характера, а в случаях, когда такие предложения выступают в функции побудительных, их основным значением становится выражение побуждения к прекращению действия, а именно прекращение перемещение в пространстве адресата, которое он совершает в момент речи, например:

Пета ывлаас, курипча, - рукöстis зонмыд. Гаикö и, корсис помка, мед петны гортас. - Кытчö? Ме тэнö ог лэдз. Курипча комнатаас. «Выйду на улицу, покурю,- сказал парень. Наверное, искал повод, чтобы уйти домой. - Куда? Я тебя не пушу. Кури в комнате» [Напалков: 2005, 20]. В данном случае на заданный вопрос не требуется ответа адресата, его реакция должна быть в форме действия, а именно прекращение его движения в пространстве. Таким образом, в частновопросительных предложениях данного вида вопросительное местоимение *кытчö* в какой-то степени сохраняет свою семантическую однозначность и под влиянием развивающегося побудительного значения получает дополнительную эмоционально-оценочную окраску, которая накладываясь на основное значение вопросительного слова, по функциям сближается с модальными частицами. Отметим, что в проявлении побудительной семантики в вопросительных предложениях данного вида большое значение играет контекст и конситуация. Обычно такие вопросительные предложения являются неполными.

Литература

1. Белошапкова: 1977 – Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.:Высшая школа, 1977. - 248.
2. ГСУЯ: 1970 – Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения. – Ижевск, 1970.
3. Лудыкова: 1993 – Лудыкова В.М. Ёния коми кывлөн синтаксис. I юкөн. Кывтэчас да прöстöй серникузя. – Сыктывкар. 1993.
4. Лудыкова: 2000 – Лудыкова В.М. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке// Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов // Сборник статей. – Ижевск, 2000. – С.114-121.
5. Матвеева: 1965 – Матвеева С.А. Вопросительное предложение и его стилистические функции в публицистике А.И.Герцена /С.А.Матвеева // Вопросы синтаксиса русского языка: Издательство Казанского университета, 1965. Т.125, кн.4. – С.182-275. (311)
6. Напалков:2005 – Напалков В. Утка туй //Войвыв кодзув. – 2005. – №11. – С. 3-26.
7. Шахов:1985 – Шахов П.Ф. Мыйла олам. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1985. - 368с.
8. ЭКЯ: 1998 – Коми язык. Энциклопедия/ Отв. Ред. Г.В.Федюнева. – М.: Издательство ДиК, 1998 – 608 с.
9. Юхнин: 1981 – Юхнин В. Алöй лента. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981.
10. Юшков: 1979 – Юшков Г.А. Ловъя лов. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1979. – 527с.
11. Юшков Г.А. Öтувтöм гижöдыас. Т.2. Роман, повестъяс. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. – 656.

Гуляева Наталья Ивановна
(г.Сыктывкар)

ЧАСТНОВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ФУНКЦИЕЙ ПОБУЖДЕНИЯ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Бывают случаи, при которых вопросительные предложения теряют свою первоначальную функцию – запрос информации, и получают возможность осуществлять побудительную функцию, а именно выражать побуждение не только к вербальному действию, но и к действию вообще. Вопросительные предложения со значением побуждения представляют собой особый вид предложений, характеризующийся несовпадением плана выражения – вопросительная форма и плана содержания – значение побуждения. Так большинство исследователей относит этот тип предложений к предложениям с «несобственно-вопросительными значениями» [Белошапкова: 1977]. С.А. Матвеева выделяет две основные разновидности вопросительного предложения: собственно-вопросительные предложения и предложения риторического вопроса, понимая последние как особую форму, имеющую внешние признаки вопросительного предложения, при этом учитывая различия в целевой направленности и модальной окраске объединяет предложения риторического вопроса в три большие группы: риторический вопрос эмоционального типа, риторический вопрос воздействующего типа и предложения риторического вопроса, выполняющие логическую функцию, при этом рассматривает вопросительно-побудительные предложения как риторические вопросы воздействующего типа [Матвеева: 1965, 186-185]. Вопросительно-побудительные предложения выделяются при классификации вопросительных предложений в грамматике удмуртского языка [ГСУЯ: 1970, 26-28]. В работах по синтаксису коми языка традиционно выделяются собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные, вопросительно-риторические предложения [Лудыкова: 1993,19-21], при этом они подробно не анализируются. Мы рассматриваем вопросительные предложения со значением побуждения как функциональный вид вопросительных предложений.

В коми лингвистике вопросительные предложения по структуре и средствам выражения вопроса делятся на две группы общевопросительные (неместоименные) и частновопросительные (местоименные) [Лудыкова: 2000, 117-118, ЭКЯ: 1998, 60]. Известно, что в общевопросительных предложениях вопрос может выражаться любым словом, которое выделяется интонацией, при этом в качестве ответов допускают подтверждение либо отрицание, а средством создания вопросительности в частновопросительных предложениях являются специальные вопросительные слова: местоимения или наречия.

Частновопросительные предложения с функцией побуждения употребляются в коми языке для выражения требования, приказа, категорического побуждения к совершению или прекращению действия.

При выражении вопросительными предложениями побуждения к невербальному действию вопросительные слова *мый* «что», *мыйла* «почему, отчего» в какой-то степени теряют свою семантическую полноту и функционально сближаясь с частичами начинают выражать субъективно-модальные отрицательные эмоционально-оценочные значения, например: *Буско тъявкнитіс кӧнкӧ ылын нин, заводитіс суӧдны туланӧс. - Мый нӧ сулалам?..* «Буско залаал где-то далеко, начал догонять куницу. - Что стоим?» [Юхнин: 1981, 42]. Вопросительные предложения такого типа выражают побуждение к изменению поведения адресата, а именно к прекращению действия статистического характера, совершаемого адресатом в момент речи, которое выражается значениями глаголов сулавны «стоять», пукавны «сидеть» и тому подобное. Нужно отметить, что одновременно с проявлением побудительной семантики в рамках таких предложения мы видим отрицательные субъективно-модальные эмоционально-оценочные значения по отношению говорящего к адресату, в частности, к его поведению и бездействию.

Особую группу составляют частновопросительные предложения, в которых используются глаголы, принадлежащие к просторечной, в какой-то степени даже грубой лексике, например: *А мый нӧ эськӧ урсаян?* «А что ты каркаешь?» [Юшков: 2001, 10] Подчеркнем, что использование глагола с отрицательным эмоционально-оценочным значением говорит не о желании говорящего выяснить причину совершаемого адресатом действия, а связано со стремлением говорящего выразить свою отрицательную реакцию на поведение адресата, и выражает запрет на действие, называемого глаголом.

Как отмечалось ранее, в коми языке также встречаются частновопросительные предложения с функцией побуждения с вопросительным местоимением мыйла «почему, отчего». *Мыйла ме йылысь висьтасян? Код тӧнӧ тийӧктӧ?* « Почему обо мне рассказываешь? Кто тебя просит? [Шахов: 1985, 292]. Вопросительные предложения такого типа выражают побуждение к прекращению действия и

геройга карата унай мӧнӧсӧбӧт, унай эмоциялӧр тудырырга кирӧк булганда автор анын сӧйлӧмӧн дӧ матуррак янгырый торган итеп кӧрсӧтӧ һәм *чӧкер-чӧкер, чӧлдер-чӧлдер, пыш-пыш, чыш-пыш, гӧр-гӧр, гӧлдер-гӧлдер* кебек ияртемнӧр куллана. Персонажның сӧйлӧмӧндӧ яки аны характерлауда кулланылган ияртемнӧрдӧ кӧпмедер дӧрӧждӧ персонажның тәрбиялелеге, культура дӧрӧжӧсӧ дӧ чагылыш таба.

Матур әдәбиятта аваз ияртемнӧре фикерне белдерӧче чара гына түгел, ә әдәби образның элементы, сӧнгать чарасы буларак та кулланылалар. Телне сурӧт ясау мӧмкинлегӧ, кӧче, байлыгы ягыннан характерлылар. Ияртемнӧр югары экспрессия белӧн сугарылып, сурӧтлӧнӧ торган вакыйганы, кӧренешлӧрне жанлы, образлы иттереп кӧз алдына китерергӧ ярдӧм итӧлӧр.

Әдәбият

1. Абдуллина Р.С. Риторика һәм интонация / Р.С. Абдуллина. – Яр Чаллы, 1999. – 395 б.
2. Татар грамматикасы. – Т. II. – Мәскәү: Инсан, Казан: Фикер, 2002. – 447 б.
3. Татар теленең анлатмалы сүзлегӧ. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1 т. – 1977, - 476 б., 2 т. – 1979. – 726 б., 3 т. – 1981. – 802 б.
4. Хисамова Ф.М. Хәзерге татар әдәби теле орфографиясе / Ф.М. Хисамова. – Казан: Мәгариф, 2006. – 335 б.

Подражательные слова составляют особую категорию слов и словарный состав татарского языка богат подражательными словами. В морфологии современного татарского языка подражательные слова рассматриваются как самостоятельные части речи. Они, как и другие знаменательные слова, предназначены для выражения понятий, являющихся отражением реальной действительности в сознании человека. Подражательные слова представляют собой сложную систему значений и по своему значению делятся на несколько групп.

Количество подражательных слов в том или ином языке остается открытым. Обычно, подражательные слова, в словари включены, но в языке существуют и такие подражания, которых в словарях нет, которые возникают по мере необходимости.

Мастера художественного слова используют всевозможные стилистические приемы чтобы воздействовать на читателя. В связи с этим подражательные слова широко употребляются в художественном творчестве для выражения эмоционально-оценочного содержания. Например, чтобы описать положительного героя и передать его речь используются такие подражания как *гӧр-гӧр, чӧкер-чӧкер, чӧлдер-чӧлдер, пыш-пыш, чыш-пыш, гӧлдер-гӧлдер* и др. А невоспитанность, некультурность отрицательного героя передается такими подражаниями как *лыгыр-лыгыр, лаки-локи, лар-лар, лыр-лыр, мыгыр-мыгыр* и др. Значит, используя подражательные слова, можно передать культурный уровень, воспитание, социальное положение и условия жизни человека.

На примере подражательных слов можно сказать, что язык выступает в качестве важнейшего признака того или иного народа, что в языке ярче всего выражаются менталитет народа, его психология, обычаи и нравы. Он является средством создания национальной литературы, основным хранителем информации о том или ином народе.

В толковом словаре татарского языка дается толкование 618 подражательных слов. Среди них 595 звукоподражательные и 23 звукообразные. Они представляют собой сложную систему значений. Это объясняется и многообразием звуковых и световых явлений, воспроизводимых подражательными словами, и многозначностью этих слов, когда одно и то же подражание употребляется для обозначения различных явлений, иногда имеющих между собой лишь отдельное сходство. По своему значению звукоподражательные и звукообразные слова делятся на несколько групп. По нашим подсчетам среди подражательных слов татарского языка большое место занимают звукообразные слова, а среди звукообразных слов особое место занимают слова, которые выражают своеобразно особый звон металла, что объясняется культурой, общественной жизнью, трудовой деятельностью, бытом татарского народа. Национальная одежда татарского народа украшена драгоценными монетами, которые звенят при ходьбе, выпуская определенный шум. Также татарский народ издавна занимался кузнечным ремеслом и ковал орудия труда и разные военные принадлежности. При работе с металлом звучат разные звуки и почти все они начинаются с мягкой шипящей глухой согласной *ч*. Хотя эти звукоподражания обозначают звук металла, все-таки они отличаются друг от друга тоном, длительностью звучания, и передают разные оттенки звука. Например: *чылтыр-чылтыр, чеңгел-чеңгел, челтер-белтер, чең-чең, челтер-челтер* – звукоподражания продолжительному мягкому дребезжанию, которые возникают при ударах мелких желез; *чалдыр, чалдыр-чолдыр, чалтыр, чалтыр-чалтыр, чалтыр-чолтыр, чаңгыл-чоңгыл, чылдыр-чылдыр, чылдырт, чаң-чың* – звукоподражания тяжелому продолжительному грубому шуму, которые возникают от ударов тяжелых металлических предметов; *чак-чок, чек, чек-чек, чик-чик* – звукоподражание резкому отрывистому короткому шуму и т.д. Также среди подражательных слов татарского языка большое место занимают подражания связанные с деятельностью человека.

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА «КОТ» (ДУША) В ТЮРКО-ТАТАРСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

Язык является неотъемлемой частью бытия, он аккумулирует социально-культурный опыт общества и является одной из основных форм передачи народных традиций, тех наивных мифологических представлений народа, которые существовали на заре человечества. Основную функцию аккумуляции опыта наших предков выполняют личные имена, отражающие древние языческие верования тюркского народа, в которых сохранилась мифологическая картина мира первобытного общества. Особенности антропонимического узуса в традиционной тюркской культуре обусловлены мифическими представлениями о природе имени – отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком. Имя наделялось магическими свойствами и использовалось в обрядности как инструмент магии – охранительной, отгонной, продуцирующей. Выбор имени и именование подчинялись строгой регламентации и магическим целям. Первобытный человек одушевлял весь окружающий мир. Реки и камни, растения и животные, солнце и ветер, жизнь и смерть – все имело душу, волю, способность действовать, вредить или помогать человеку. Согласно первобытным представлениям, духи обитали в невидимом потустороннем мире, но проникали в видимый мир людей. Поклонения и магия должны были помочь людям так или иначе ладить с духами – умиловить их или перехитрить. По этой причине в древнем антропонимиконе особое место занимали имена, образованные при помощи компонента «*кот*» – душа. В период тюркской империи употреблялась фраза: *Täŋri jarlyqagup üçün özim qutum bar üçün qagan olurtum* (Так небо оказало милость, Так как у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом [Стеблева: 1976, 13]. С «кот» тюрки связывали жизненную силу человека от его зарождения до самой смерти. Кот человека – жизненная сила, сама суть жизни, божественное происхождение приходящее из Космоса [Безертдинов: 2004, 130]. В евразийском пространстве «кот» сопоставляется с Солнцем, которое во всех древнетюркских контекстах именуется божественным, в буддийских текстах *kot näkte* употребляется в том же значении, что и древнетюркское *kün tngri* [Иванов: 2003, 20].

Диапазон значений тюркского *кот* широк. *Qut* является общетюркским словом и употреблялось в значениях: 1) душа, жизненная сила, дух; 2) счастье, благо, благодать, удача, успех, благополучие; 3) достоинство, величие [Древнетюркский словарь: 1969, 254; Баскаков: 1973, 1]. В вышеприведённом примере слово «кот» используется в значении «счастье». У современных тюрков *душа* имеет многообразие значений. Например, в Хакасии кот – душа человека с трехлетнего возраста и до его смерти, у алтайцев – душа в смысле жизненной силы, присутствия духа, плодородия, у якутов – одна из душ [Скрынникова, 1992, 80], у татар – 1) счастье; 2) в тюркской языческой религии – фигура, олицетворяющая человеческий дух; 3) символ духовной силы; 4) счастливая судьба; 5) мифическая птица счастья [Татар теленең аңлатмалы сүзlege: 2005, 285]. В древнетюркском обществе в понятие «кот» было заложено огромное значение, являвшееся результатом рефлексии на стыке социального и биологического.

Древние тюрки имели особое отношение к смерти: по поверьям, сроки жизни распределяет небо, сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть; при этом об умершем говорили, что он улетел. Небо – это начало, которое дарует жизнь и несёт смерть. Такое распространённое поверье зафиксировано в болгарских эпиграфических памятниках. Как свидетельствуют Д.Г. Мухаметшин и Ф.С. Хакимзянов, характерным признаком эпитафий Булгарского округа является наличие заглавных коранических формул «Он живой, который не умирает» [Мухаметшин, Хакимзянов: 1987, 46]. В современном татарском языке *кот* в значении *души* активно употребляется в составе устойчивых словосочетаний *котсыз*, *кот очу*, *кот чыгу*, *котсыз калу* и других. По всей вероятности, это связано с древними верованиями, по которым душа человека после его смерти вылетает из тела в виде птицы. Как утверждают исследователи, найденные в эпиграфических памятниках Волжской Булгарии рисунки одноглавой птицы являются символическим изображением души, покидающей тело после смерти человека [Мухаметшин, Хакимзянов.: 1987, 45]. У древних тюрков, а далее и тюрко-татар было поверье, что человек не умирает, а отходит к богу, в другой мир. Это поверье существует и поныне. Особое значение, придаваемое «кот», заметно и в Булгарскую эпоху. Например, на дирхеме 683 г. (1284 г.) написано *Qotliŋ bolsun!* [Мухаметшин, Хакимзянов: 1987, 14]

въл, анчах, вайё пётсе килнипе, тайкаланса утса кайрѐ; “должно быть”: Отчего это? Должно быть, оттого, что я сбыл груз души в письмо /Гончаров/ - Мёне пула ку? Ку эпѐ хамън чѐрере пѐтем йывърлѧха сыру сырса сѧмѧллтнѧран пулѐ; “очевидно”: Очевидно, это происходило оттого, что его здоровый ум, привыкший наблюдать и обдумывать простые и ясные явления деревенского обихода, никак не может уловить связи между преподаваемой ему “словесно” и действительной жизни /Куприн/ - Ку, ахѧртнех, унѧн ял тавраиѧнчи ансат та усѧмлѧ пулѧмсене сѧнама тата тѧплѧн виѧме шутланѧ ханахна, сып-сывѧ ѧсѧ хайне вѧрентекен “сѧмѧлѧхна” чѧн пурнѧѧ хушишинчи сѧхѧнусене тѧплѧ уйѧрса, ѧнкартса илейменничен килет пулѐ, тем тесен те, сѧпла пулас.

Проблема рефлексии — одна из наиболее важных и актуальных не только в психологии, но и в современной науке в целом. Активный и интенсивно растущий интерес к ней во всех областях знания парадоксально и одновременно закономерно показывает, что она становится все более сложной и неоднозначной (см., например, [Лефевр 2003] с последующей библиографией). Между тем лингвистика может предложить свою ее интерпретацию, поддающуюся подтверждению массой накопленного собственного теоретического и эмпирического материала. Соответствующие лингвистические данные показывают, что естественный язык является естественным отражением потребностей и возможностей породившего его естественного интеллекта и естественным и неотъемлемым образом, органично и неизбежно, воплощает естественное, заложенное в человеке природой свойство – способность к рефлексии. Наиболее ярко процессы рефлексии проявляются в речи, в текущем коммуникативном взаимодействии с адресатом, и воплощаются в особых «субъектных компонентах речи», которые не только отражают особенности производимой говорящим при этом рефлексии, но и позволяют в новом свете проинтерпретировать главное свойство языка – его антропоцентричность. Проблема антропоцентричности языка и заложенных в нем в неявном виде знаний – одна из наиболее важных в анализе связи *языка* с естественным интеллектом. В *речи*, дискурсе она становится проблемой «субъектно-ориентированных» компонентов речи. Субъектные компоненты речи - это компоненты высказывания/ текста. К субъектным компонентам речи относятся, в первую очередь, *дейксис*, *модус/ субъективная модальность* и *т.п.* В частности, ситуация обусловленности в зависимости от специфики модуса (пропозициональных установок) мотивируемого компонента в сопоставляемых языках представлена тремя разновидностями: 1) ситуацией мотивации возможности совершения действия (обусловленностные высказывания с ПУ “возможность”; 2) ситуацией мотивации возможности совершения действия (обусловленные высказывания с ПУ “необходимость”); 3) ситуацией мотивации желательности совершения действия (обусловленные высказывания с ПУ “желания”). Как показывает языковой материал русского языка, в установках с предикатами типа *тянет*, *подмывает*, *влечет*, *норовит*, *угораздило* ослаблены волевые элементы со стороны субъектов, и причем предметами интенции субъекта являются категории отдаленного будущего. Ср.: *Ну как тебе сказать, жил я тут в рабочих смолоду, вот и потянуло что-то поглядеть на старые места /Шолохов/; Его влечет посмотреть еще раз на эту дикувинку /Васильев/.* В этих конструкциях не выражена полная волевая пассивность, предполагается устремление субъекта на осуществление желаемого, хотя это устремление не столь сильное, чем у предикатов типа *хочу*. В чувашском языке в отличие от русского эквивалент выражается залоговой формой: а) глаголом в форме залога на *-ан/-ен*: 1/ *Или тебе просто потянуло погреться /Ильбек/. - Эсѧ темскер ѧшѧнма туртѧнатѧн-ха, тем; 2/ Что же вас понесло взглянуть на чудо? /Юхма/. - Мѧн шырама эсѧ унталла сулѧнатѧн-ха?* Очень часто этот объект выражается расчлененно; кроме личного субъекта в родительном падеже в функции агенса выступает предметное имя - метаморфический субъект «чун» («душа»): *Необъяснимо влекло меня увидеть это (Гончаров). - Курма-ске чунѧм туртѧнчѧ; Видать, тянет тебя увидеть родных, отец, мать /Горький/. Асу-аннѧ патне санѧн чуну туртѧнать пуль-ха; б) глаголом в форме «понудительного» залога: Дернуло меня вставать /Шолохов/. - Кам хушрѧ-ха мана вырѧн сѧнчен тѧма; Угораздило же тебя выйти в такой дождь /Турхан/. - Сѧкѧн пек сумѧр витѧр кайма сана кам хѧтѧртрѧ-ши?* Как следует из этих примеров, эквивалентные конструкции выражают называемое субъекту интенциональное состояние.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: ЯРК, 1999.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // ВЯ. – 1995. – № 1.

обусловленности причинность отличается от других тем, что в ней больше всего проявляется персуазивный признак и признак "верифицируемость", которые выполняют интегрирующе-дифференцирующую роль, ибо в одних причинных типах значителен денотативный аспект, а в других – важен учет позиции говорящего.

Ситуативная информация, составляющая содержание отношений каузальности, эксплицитно может быть представлена развернутыми (гипотактическими) конструкциями: в русском – сложно-подчиненными, а в чувашском языке, как и в других тюркских языках, — полипредикативными конструкциями, где в зависимой предикативной части в роли предиката могут выступать инфинитные формы глагола: *Его поразило это предположение, потому что ему вдруг стало ясно, что это правда* (Гончаров). — *Хайне вара стройра урине сётёрсе утнйшйн командирсенчен час-часах лекет* (Садай).

В зависимости от показателя связи между предикативными частями в центральном сегменте располагаются различные типы полипредикативных конструкций. В полипредикативных конструкциях синтетического типа в роли зависимого предиката выступает причастие, которое способно принимать различные падежные аффиксы, и при этом функция падежей при причастиях отлична от функции при именах: в позиции зависимого предиката падежные аффиксы становятся синтаксическим средством связи зависимого и главного предложений. Среди причастий, принимающих аффиксы падежей, употребляются причастия прошедшего времени.

В статье «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» Ю.Д. Апресян [1995] не только представил общие принципы реконструкции цельной картины мира по данным языка, но и разработал способы извлечения из языка знаний о человеке. Такого рода знания, как подчеркивается, важны в культурологическом плане, как свидетельства национальной специфики мировосприятия носителями языка. Они позволяют выявить свойства естественного интеллекта, не как изолированное явление, а в его «естественном контексте. Так, обусловленность макропропозиция с ментальным денотативным содержанием распадается на интенциональный (эпистемологический), интенциональный (онтологический) и аксиологический (операциональный) модусы. Интенциональность в явном виде Джон Р. Серль представляет следующим образом: ”Я придаю интенциональность своим высказываниям, интенционально налагая на них определенные условия выполнимости, являющиеся условиями выполнимости определенных ментальных состояний. Это объясняет также внутреннюю связь между существенным условием и условием искренности речевого акта. Ключ к значению состоит в том обстоятельстве, что оно может быть частью условий выполнимости (в смысле требования) моей интенции, направленной на то, чтобы условия ее выполнимости (в смысле требуемого) сами обладали условиями выполнимости” (Серль 1987, 125).

Ментальность обусловленности как результат субъективного вмешательства в ходе представления объективной информации подчинена принципам рефлексии (в “паре” с принципом достаточного основания) находит в пропозициональных установках оптимальные рамки для речевой реализации. “Ментальное поле представляет собой нечетко очерченное поле, имеющее, однако, достаточно четкое ядро. Вследствие этого оно может быть представлено в плане радикальной типологии, при которой в центре поля оказывается наиболее репрезентативный элемент, которому - на основании различных признаков основного явления - противопоставлены другие элементы поля” (Гак 1993, 23).

Метадискурс обусловленности идентифицирует и квалифицирует элементы интеллектуальной деятельности: эпистемический модус однозначно квалифицирует интенциональное состояние субъекта (разграничивает знание и мнение, незнание и предположение, определяется функциональным значением определить информацию на достоверность; аксиологический модус позволяет квалифицировать информацию как положительную или отрицательную в ценностной системе объективной действительности. Например, гипотетичность с квантором нехарактерной и контекстно-связанной информацией выражается когнитивами “видимо”, “по-видимому”, “очевидно”, “наверное”, “видно”, “как видно”, “должно быть” в высказываниях, представляющих собою логический вывод или прогноз, базирующийся на имеющихся в распоряжении говорящего косвенных данных. Оцениваемая пропозиция может относиться к настоящему, прошедшему или будущему. Эта ситуация возникает в условиях непосредственного чувственного восприятия, когда говорящий находится в контакте с объектом оценки и в ситуации, когда объект оценки недоступен наблюдению, но о нем можно судить по имеющимся в наличии свидетельствам. Обратимся к фактам - когнитивным установкам с нехарактерной информацией, которые имеют, в частности, каузальный характер: “видно”/видимо/: *А вот теперь, видно, за грехи мои, и ее пришлось пережить* /Толстой/ - *Халь ак вят, хамйн сылхсене пула, ахър, аннүнтен те вилёмсёр юлтәм; Спотыкаясь, он шел к ней и видел, как мать качнулась от его крика, словно от удара, - хотела, видно, бежать, но силы изменили, и она пошла толчками, будто преодолевая сопротивление ветра* /Шолохов/. - *Въл такъана-такъана ун патнелле утса кайрѣ, амйшѣ, хайне кайшарса чѣннине илтсе такам чышса янй пек сулѣнса кайнине курчѣ: ахъртнех, чупасийн пулчѣ*

Древние мифологические воззрения, закодированные в именах тюрков, существовали довольно долго. Семантическое поле этого слова изначально, по всей видимости, соотносилось с телесным духом, параллельно актуализировалось второе значение, содержащее понятие счастье. Известно, что уже в древнетюркскую эпоху собственные имена и титулы элиты включали эпитет «gutluγ» – «счастливый», все уйгурские ханы величались «Jdug gud» – «священный кут». Правитель, согласно архаичным воззрениям, являлся гарантом общественного благополучия, несущим счастье подчинённому ему народу. В историческом антропонимиконе тюрко-татар встречается множество имён с компонентом *кот*: *Котлызаман* – имя одного из сыновей Нугайбека [Әхмәтҗанов: 2002, 45], *Котлы Кыя солтан* – представитель племени мунь/мең, один из основоположников Золотой Орды [Әхмәтҗанов: 2002, 101,111], *Котлык бәк* (имя зафиксировано в эпитафиях Волжской Булгарии, примерно 1349 год [Мухаметшин, Хакимзянов: 1987, 122]), *Котлы би*, *Котлыш бек* (сохранились в эпитафиях примерно XV века), *Котлыяр*, *Котлык* [Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 гг.: 1978, 215], *Котлыбулат* [Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656гг.: 2001, 465]. В тюрко-татарском языке *ураз* – синоним слова *кот* – часто встречается в антропонимической системе: *Уразбакты*, *Уразгуҗа*, *Уразмухаммат*, *Уразали*, *Уразмет* [Саттаров: 1990, 101] и т.д. Часть из них сохранилась в фамилиях современных татар: *Уразов*, *(у)Разов*, *Уразаев*, *Уразманов* и др. Заслуживает внимания тот факт, что в исторических источниках XIX века компонент *кот* перестает употребляться в составе имён. Но народная традиция, заложенная в древности, находит продолжение в другой, заимствованной из персидского языка, лексической единице – *джан*, являющейся составным компонентом, как и слово *кот*, мужских имён: *Салихджан*, *Амирджан*, *Джанбек*, *Джанбай*, *Джанахмет*, *Мубаракджан*, *Махмутджан*, *Джантахир* и других. Необходимо отметить, что в препозиции данный компонент употребляется редко. Заслуживает внимания и тот факт, что в сочетании с тюрко-татарскими словами компонент *жан* активно употреблялся до полной арабизации татарского именника. В современном антропонимиконе конца XX начала XXI века среди мальчиков активизируются имена *Салихжан*, *Әмиржан*, *Сәетжан*, *Нуржан*, *Әхмәтжан*, что еще раз подтверждает высказанное нами мнение. Несомненно, народная память, зашифрованная в языковых знаках, продолжала свое существование в новых лексических единицах, в семантике которых обнаруживается то же понятие, что легло в основу мотивации ещё на предыдущих этапах развития антропонимической системы тюрко-татар.

Литература

1. Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология) / Н.А. Баскаков. – Советская этнография. – 1973. – №5. – С.1-5
2. Безертдинов Р.Н. Тэнгрианство – религия тюрков и монголов / Р.Н. Безертдинов. – 2-е изд., доп. – Казань: Слово; Набережные Челны: Аяз, 2004. Казань, 2004. – 447 с.
3. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
4. Ахметзянов М. Ногайская Орда / М. Әхмәтҗанов. – Казань: изд-во «Магариф», 2002. – 341 с. (на татар. яз.)
5. Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара / Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. – 128 с.
6. Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов // Сост. Р.Н. Степанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 239 с.
7. Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов / Сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. – М.: Издат. центр Ин-та рос. истории РАН, 2001. – 540 с.
8. Саттаров Г.Ф. Татарская антропонимика / Г.Ф. Саттаров. – Казань: Изд-во Казан ун-та, 1990. – 276 с. (на татар. яз.)
9. Скрынникова Т.Д. Представления монголов о сакральности правителя / Т.Д. Скрынникова // Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. – М.: «Наука», 1992. – С.71-79
10. Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период / И.В. Стеблева; АН СССР, Ин-т востоковедения; Отв.ред. А.Н. Кононов.—М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1976.—212 с.
11. Толковый словарь татарского языка. – Казань: изд-во «Матбугат йорты», 2005. – 848 с. (на татар. яз.)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Существующие грамматики алтайских языков, как правило, созданы по принципу «от формы к значению», грамматическое описание структуры тюркских языков производится примерно, по следующей схеме: через приводимую форму какой-либо категории раскрывается грамматическая семантика (содержание) последней, от «средств к значениям».

Известные нам грамматики алтайских языков написаны по этому принципу. Эту грамматику можно назвать формальной. Но к описанию языка можно прийти с другой стороны, «от значения к форме» «от функций к грамматическим средствам». Это грамматику можно назвать функциональной, как принято говорить. Особенность этой грамматики в единстве функционального и структурного аспектов. Функциональный аспект это отражение функций грамматических и связанных с ними элементов. Функциональная грамматика не противопоставляется формальной грамматике, не представляет какую-то новую особую грамматику, отличается лишь выдвижением на первый план функционального аспекта грамматического строя языка.

Функциональная грамматика направлена на изучение и описание системы функций (значений) грамматических средств. Данная грамматика включает 1) классификацию и анализ грамматических средств, участвующих в реализации изучаемых явлений; 2) анализ и обобщение семантических функций, реализуемых в грамматических средствах.

Без формального описания грамматики языка, т.е. без описания её «от формы к значению» невозможно приступить к изучению функциональной грамматики. Насколько точно **охарактеризована формальная грамматика, настолько точно будет описана** функциональная грамматика.

В существующих грамматиках алтайских языков, которые, как правило, созданы по принципу «от формы к содержанию (значению)», описание структуры языка производится примерно по следующей схеме: через приводимую форму какой-либо грамматической категории раскрывается грамматическая функция последней. Так, например, в «Грамматике татарского языка», как одного из алтайских языков, В.Н. Хангильдина дается форма направительного падежа, указываются его форманты и утверждается, что данная форма обозначает: «1) направление действия или процесса к какому-либо лицу или предмету; 2) направление действия или процесса к какому-либо месту; 3) время или временные пределы какого-либо действия или процесса; 4) цель какого-либо действия или процесса; 5) причину или мотив какого-либо действия или процесса» [Хангильдин: 1959, 87-88].

Так, в «Грамматике современного узбекского языка», являющимся одним из алтайских языков, А.Н.Кононова у формы дательного падежа даются следующие значения: 1) направление, приближение; 2) конечная цель в пространстве и во времени; 3) отношение, зависимость; 4) конкретная цель; 5) отвлеченная цель; 6) цена, эквивалент, срок и т.д. [Кононов: 1960, 97].

Данная система описания грамматического строя языка может быть названа «формальной» ибо здесь приводятся формальные элементы языка с последующим раскрытием их значений, тем самым как бы устанавливается примат формы над выражаемым ею значением.

Хотя в описании грамматического строя алтайских языков, например, монгольского и калмыцкого языков, по данной системе и достигнуты определенные успехи, однако в отдельных грамматиках алтайских языков не вся система формальных средств выражения грамматических значений установлена и описана, особенно это касается аналитических грамматических средств. Авторы ряда грамматик вообще, как правило, исключают аналитические средства из арсенала грамматики, не описывают их, не раскрывают их грамматическое содержание.

По нашему мнению, для описания грамматического строя и системы словообразования тюркских языков можно избрать и другой способ, а именно – принцип «от содержания к форме». Такую систему называют «функциональной». По этому поводу В.С. Храковский пишет, что «исходным пунктом исследования должна служить опора на значение, а результатом исследования должен быть реестр тех формальных средств, которые используются для обозначения данной грамматической функции как в одном и том же, так и в различных языках» [Храковский: 1977, 78].

До настоящего времени нельзя было поставить вопрос о функциональном способе описания грамматики тюркских языков, ибо без обстоятельного анализа грамматического строя с помощью формальной грамматики невозможно раскрыть и установить систему грамматических значений языка.

Функциональная грамматика, опираясь на достижения формальной грамматики, должна

КАУЗАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЕСТЕСТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблема изучения естественного интеллекта, как известно, имеет целый ряд отличительных особенностей. Она не нова, относится к области психологии, имеет непосредственное отношение к проблеме искусственного интеллекта, отличается непреходящим прикладным значением, в первую очередь для обучения, и, как это ни парадоксально, широко не обсуждается ни в междисциплинарных исследованиях, ни в смежных когнитивных областях знания, т.е. по сути не является актуальной. Эта ситуация объясняется тем, что естественный интеллект, с одной стороны, имеет традиционную «узкоспециальную» психологическую интерпретацию, подчеркивающую его «*количественное*» понимание, и, с другой стороны, считается объектом моделирования в системах искусственного интеллекта, которые по умолчанию интерпретируют его как *формальный алгоритм* логического взаимодействия *эксплицитных* декларативных и процедурных знаний. В языкознании, в свою очередь, сложились такие традиционные направления исследований, как «Язык и мышление», «Язык и познание», «Язык и сознание», «Язык и знание», в которых проблеме интеллекта почти не уделяется внимания.

Принципиально новый уровень развития языкознания и всех смежных с ним дисциплин позволяет особо выделить проблему «Язык и естественный интеллект» и интерпретировать интеллект как «естественное» для человека явление, как его «неотъемлемое *качество*», со всеми вытекающими из этого «последствиями» – свойствами как самого человека, так и его интеллекта и языка. Современное языкознание и его ориентация на исследование *антропоцентричности* языка позволяют по-новому поставить проблему соотношения языка и интеллекта человека: «Путь к осмыслению феномена человека» лежит через его язык [Арутюнова 1999, 324].

Естественный язык не только фиксирует знания своего носителя о внешнем мире, но еще и естественным, удобным для него, антропоцентричным образом отражает то, как он этот мир осмысляет, интерпретирует, и в целом показывает, что познание мира неотделимо от осознания, познания и «проявления» самого себя. Реконструкция интеллектуальной сферы человека на основе данных языка стала возможной благодаря развитию концептуального анализа, углубленного семантического функционального исследования представлений и понятий, формировавшихся в языке и языком.

Наивная модель мира, как известно, реализуется в лингвистическом поведении языковых единиц. Языковая категоризация не сводима только лишь к знаковой формализации набора концептуальных фреймов как определенных когнитивных структур, порождаемых чувственным опытом; не менее существенной частью языковой картины мира является система отношений между первичным, чувственно опосредованным знанием, и вторичным (собственно научным) знанием, синтезированным на основе совокупного эмпирического опыта. Каузальные отношения (причинные в широком смысле) являются одной из ведущих форм взаимосвязи явлений процессов объективной действительности. “Так же как для природы характерна категория причины, для человека характерна категория цели, но с тем различием, что причина ассоциируется с ненормативными явлениями и отрицательной оценкой, а цели – с положительными событиями и позитивной оценкой” (Арутюнова 1993, 14). В основе причинно-следственных отношений лежит семантический инвариант, который представляет собой типовую причинную ситуацию. На эмпирическом уровне познания онтологическая основа семантического инварианта создается комплексом семантических признаков, соотносящих высказывания с конкретной экстралингвистической ситуацией (в языке соответствующий смысл маркируется неоперациональной пресуппозицией). Следует также отметить, что в причинных высказываниях реализуются не только формы эмпирического мышления, но и формы теоретического мышления, когда говорящий имеет дело не с эмпирическими объектами, а с теоретическими объектами, логическими конструктами (в языке употребляются семантически емкие маркеры операциональной пресуппозиции). И, соответственно, пропозиция в соответствующих причинных высказываниях предполагает верификацию. “Верификация суждения преобразует мнение в знание, и это заполняет пропасть, отделяющую человека от мира, ибо мир познаваем. Суждение отчуждается от человека и становится объективной истиной” (Арутюнова 1988, 58). В признаковой системе

Лесное Цыбаево Темниковского р-на РМ; **м. двд.** – н.п. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на РМ; **мл.** – н.п. Мокшалай Чамзинского р-на РМ; **млч.** – н.п. Молчаново Ельниковского р-на РМ; **ммл.** – н.п. Мамолаево Ковылкинского р-на РМ; **н. всл.** – н.п. Новые Выселки Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **н. пшн.** н.п. Новое Пшенево Ковылкинского р-на РМ; **отр.** – н.п. Отрадное Чамзинского р-на РМ; **паев.** – н.п. Паево Инсарского р-на РМ; **пдл.** – н.п. Подлясово Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **прд.** – н.п. Парадеево Ичалковского р-на РМ; **прк.** – н.п. Паракино Большеберезниковского р-на РМ; **прз.** – н.п. Промзино Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **прм.** – н.п. Пермиси Большеберезниковского р-на РМ; **прп.** – н.п. Парапино Ковылкинского р-на РМ; **сбв.** – н.п. Сабаево Кочкуровского р-на РМ; **сзг.** – н.п. Сузгарье Рузаевского р-на РМ; **слиц. ич.** – н.п. Селищи Ичалковского р-на РМ; **ст. бдк.** – н.п. Старое Бадиково Zubovo-Polyanskogo р-на РМ; **тлк.** – н.п. Старая Толковка Ковылкинского р-на РМ; **ч. прм.** – н.п. Черная Промза Большеберезниковского р-на РМ; **шгр.** – н.п. Шугурово Большеберезниковского р-на РМ.

Прочие сокращения

Евсевьев Р – 267 – Архивный словарный материал М.Е. Евсевьева, Центральный государственный архив Республики Мордовия.

Литература

1. Аничков И.Е. Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М., Л., 1968. С. 146–153.
2. Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1966. – Т. 4.
3. Смирницкий А.И. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. – М., 1951. – Т. 2. – С. 34 – 36.
4. Цыганкин Д.В. Словообразование в мордовских языках: Учеб. пособие/ Мордов. ун-т. – Саранск, 1981. – 81 с.
5. Цыганов Н.Ф. Абсолютная (внепадежная) форма // Учен. Зап. Мордов. ун-та. – Саранск, 1964. Вып. 43. 179–191 с.

систематизировать и классифицировать грамматические значения, снабдив каждое из них списком всех формальных средств его выражения.

При создании «функциональной грамматики» по категории падежа все ее значения (имеются в виду выраженные грамматические отношения между словами) должны быть систематизированы и классифицированы на основе достижений формальной грамматики и для каждого падежного значения – приведены формальные средства его выражения.

Рассмотрим падежное отношение, обозначающее «причину действия или процесса». Это грамматическое значение в татарском языке выражается, во-первых, направительным падежом: *Көннәр салкынга үләннәр күтәрелми* ‘из-за холодных дней травы не поднимаются’; во-вторых, направительным падежом в сочетании с послелогам или послеложными словами: *Көннәр салкынга күрә үләннәр күтәрелми* ‘из-за холодных дней травы не поднимаются’; в третьих, аналитическим падежом, то есть именно-послеложной конструкцией: *Көннәр салкын булу сәбәпле үләннәр күтәрелми* ‘из-за холодных дней травы не поднимаются’ или же *Көннәр салкын булганга үләннәр күтәрелми* ‘из-за холодных дней травы не поднимаются’.

Как показывают факты языка, одно грамматическое значение, в данном случае одно падежное значение, в татарском языке может выражаться пятью формальными средствами.

Между значениями, выраженными вышеприведенными формальными средствами, наблюдаются лишь незначительные, еле уловимые оттенки, но все они обозначают одно грамматическое значение: «причину действия или процесса».

Словообразование в тюркских языках также может быть описано по принципу «от содержания к форме». Для этого необходимо анализировать и установить значения словообразовательных средств в связи и в зависимости от производящих основ, по структурно-функциональному принципу.

Как пишет И.С.Улуханов, «Систему словообразования или ее подсистемы можно представить в виде семантического поля, расчлененного на участки, соответствующие значениям формантов, причем некоторые участки могут частично или полностью перекрываться» [Улуханов: 1977, 131].

При функциональном способе описания, то есть при описания словообразования с точки зрения функций, словообразовательное значение указывается только в одном месте, а дериваты – в соответствующих местах (несколько раз).

Приведем описание ряда словообразовательных значений у глаголов татарского языка: например, словообразовательное значение: «приобретать то качество или признак, который выражен производящей основой». Производящая основа при этом выражает признак, формант – его становление. Это общее словообразовательное значение в татарском языке может выражаться двенадцатью дериватами.

- 1) суффиксом *-ла/-лә*: *аксакла-* ‘хрометь’, *акрынла-*, ‘медлить’, *иркенлә* ‘почувствовать (себя) свободно’;
- 2) *-лаш/-ләш*: *уэлаш-* ‘праветь’, *суллаш-* ‘леветь’, *бюрократлаш-* ‘бюрократизироваться’, *дуэлаш-* ‘подружиться’;
- 3) *-лан/-лән*: *либераллан-* ‘становится либералом’, *ялкаулан-* ‘стать ленивым’, *ислән-* ‘тухнуть’, *сусыллан-* ‘становится сочным’, *телсезлән-* ‘неметь’;
- 4) суффиксом *-ыр/-ер (-ар/-эр)*: *нечкәр-* ‘утончиться’, *яһар-* ‘обновиться’, *кыскар-* ‘укоротиться’, *яктыр-* ‘рассветать’, *агар* ‘побелеть’;
- 5) суффиксом *-ра/-рә (-ыра/-ерә)*: *миэгәрә-* ‘тупеть’, *сәлперә-* ‘дрябну’;
- 6) суффиксом *-ык/-ек*: *саяк-* ‘мелеть’, *чынык-* ‘закаляться’, *савык-* ‘выздороветь’;
- 7) суффиксом *-а/-ә*: *буша-* ‘ослабеть’ *ләшперә-* ‘стать дряблым’;
- 8) суффиксом *-ы/-е*: *киме-* ‘уменьшаться’, *ныгы-* ‘укрепляться’, *бае-* ‘богатеть’;
- 9) суффиксом *-ай/-эй*: *матурай-* ‘стать красивым’, *кьрэй-* ‘стать упитанным’, *кырысай-* ‘стать резким’;
- 10) суффиксом *-ыл/-ел (-ал/-эл)*: *тәлзәл-* ‘поправиться’, *терел-* ‘выздороветь’;
- 11) суффиксом *-сы/-се*: *күксе-* ‘плесневеть’, *каксы-* ‘вялиться’;
- 12) суффиксом *-н (-ан/-ән)*: *төзән-* ‘прихорошиваться’ [Ганиев].

Как видно, краткий экскурс в описание словообразовательных значений по схеме «от содержания (значения) к форме» раскрывает весьма интересную языковую картину. В словообразовательных значениях отдельных дериватов наблюдаются лишь небольшие нюансы, не выходящие за рамки общего значения.

Исследование языка с точки зрения функции формантов необходимо, прежде всего, для раскрытия глубинных явлений его грамматического строя и словообразования. Оно позволяет классифицировать и обобщить систему функции грамматики.

С другой стороны, без функциональной грамматики языков невозможно научно достоверное сопоставительное изучение их грамматического строя, ибо сопоставление с точки зрения формальных средств не дает желаемых результатов, носит поверхностный характер. **Органическое сопоставление грамматики языков по примату семантических (функциональных) признаков позволяет получить более или менее правильное и системное представление о содержательной структуре сопоставляемых языков, что является основной задачей сопоставления и типологии языков.**

Следует признать, что это сложная и трудная задача, ибо до сего времени еще не все грамматические и словообразовательные значения изучены, исходя из единых научных принципов формальной грамматики и формального словообразования. Во многих грамматиках тюркских языков аналитические средства выражения грамматических значений не в полной мере исследованы. Еще полностью не разработаны приемы и методика функционального описания грамматики и словообразования языков. Можно надеяться, что со временем эти трудности будут преодолены и алтаисты разработают рациональную методику функционального описания языка, создав на ее основе настоящую функциональную грамматику тюркских языков.

Литература

Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Дом печати, 2005. – 360 с.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.–Л: Изд-во Академии наук. – 1960. – С. 97.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. – М., 1977. – С.131.

Хангилдин В.Н. Татар теле грамматикасы. – Казан, 1959. – С.87-88.

Храковский В.С. Принципы типологического описания содержательных грамматических функций // Тезисы докладов второго Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему: Теоретические проблемы восточного языкознания. – Ч. II. – М., 1977. – С.78.

букв. «свиньи рот», вергизын' байага (сбв.) «колокольчик», букв. «волчий колокольчик», бабан' пил'екст (м. двд.) «бересклет», букв. «старухи серьги», вашин' пил'е (м. двд.) «подснежник», букв. «жеребца ухо», бабан' палакс (м. двд.) «пустырник», букв. «старухи крапива» кискань ловцо (Евсеев Р-267) «молочай», букв. «собаки молоко»; м. д. нумолэн' капста (млч.) «молочай», букв. «зайца капуста», урэн' була (прп.) «полевой хвощ», букв. «беличий хвост», офтэн' гс'т'и (л. цбв.) «брусника», букв. «медвежья земляника».

Тип «относительное прилагательное + существительное»: э. д. вед'ин' луга (отр.) «водоросль», букв. «водяной луг», вармань крандаз (Евсеев Р-267) «перекати-поле», букв. «ветра телега», бойаркс чувто (б. мрс.) «боярышник», букв. «барское дерево», э. л. эмежень умарь «клубень», букв. «овощное яблоко»; м. л. пичень ксты «брусника», букв. «сосновая земляника».

Тип «качественное прилагательное + существительное». Фитонимов, образованных по данной модели, в мордовских языках довольно много: э. д. навыла панга (шгр.) «масленок», букв. «скользкий гриб», почан'а панга (дгл.) «сыроежка», букв. «рассыпчатый гриб», паро панго (крж.) «груздь», букв. «хороший гриб», чин'ев палакс (дгл.) «пустырник», букв. «вонючая крапива», кудряв баба (Евсеев Р-267) «одуванчик», букв. «кудрявая старуха», э. л. чинев почко «бутень клубеносный», букв. «пахучий стебель»; м. д. ламбама р'апс (тлк.) «брюква», букв. «сладкая репа», к'ел'и лопа (ммл.) «конский щавель», букв. «широкий лист», куйе марш (в. снч.) «лебеда», букв. «жирная лебеда», с'еги т'ише (ст. бдк.) «бессмертник», букв. «горькая трава», понав кс'т'икс (л. цбв.) «крыжовник», букв. «волосатая земляника».

Тип «существительное в генитиве (иногда в номинативе) + имя действия»: э. д. кендалын' гулыфтыма (прм.) «клоповник», букв. «клопа умерщвление», ат'акшон' морамо (блд.) «конский щавель» букв. «петуха пение», саразон' кулома (клс.) «белена», букв. «курицы умерщвление»; м. д. кару урафтэма (н. пшн.) «мухомор», букв. «мухи умерщвление», саразан' гулыфтэма (анв.) «белена», букв. «курицы умерщвление».

Тип «имя действия + существительное»: э. д. (дрк.) «лук-батун», букв. «стрижка-лук»; м. д. пурдам панга (блд. зп.) «лисичка», букв.. «сворачивание-гриб», пуштъм панга (анв.) «лисичка», букв. «жарение-гриб», н'иксамъ т'ишь (ОМД IV: 267) «ромашка», букв. «нюханье-трава».

Тип «причастие + существительное»: э. д. пупиц' т'икше(отр.) «осот», букв. «колющая трава», э. л. пици палакс «крапива», букв. «жгучая крапива»; м. д. шары пократ (пдл.) «бобы», букв. «округлый боб», морай т'ишен'а (крк.) «ромашка пахучая», букв. «поющая травка», к'ар'ай т'ише (в. слщ.) «осот», букв. «режущая трава» и др.

Тип «существительное в инессиве + существительное». Образований данного типа в мордовских языках очень мало: э. д. чувтсо пупка (крж.) «почка», букв. «на дереве нарост», в'ецэ ц'ец'а (дрк.) «водяная лилия», букв. «в воде цветок».

Тип «русское прилагательное + мордовское существительное»: э. д. сыр'ин'овой ц'в'етка (прд.) «анютины глазки», букв. «сиреневый цветок», безумной т'икше (лбс. ич.) «белена», букв. «безумная трава», д'икий пин'амъ (шгр.) «овсюг», букв. «дикий овес»; м. д. с'ин'еме панчф (н. всл.) «василек», букв. «синий цветок».

Итак, проанализировав двукомпонентные номинанты, предствляющие тематическую группу флористических лексем, мы убедились, что она отличается богатством словообразовательных типов и моделей – регулярных и нерегулярных.

В фитонимообразовательном процессе в мордовских языках главенствующая роль отводится словосложению. Оно осуществляется согласно общим закономерностям именного словообразования и по функционирующим в мордовских языках моделям и способам. Главная особенность заключается в том, что прослеживается тенденция создания преимущественно двукомпонентных наименований — составных слов. Данный вид является самым многочисленным как в обоих литературных языках, а также в диалектах.

Сокращенные названия диалектов (говоров)

Анв. - говор населенного пункта Анаево Zubovo-Полянского р-на Республики Мордовия (РМ); **ард. дбн.** – н. п. Ардатово Дубёнского р-на Республики Мордовия (РМ); **блд.** – н.п. Болдасово Ичалковского р-на РМ; **блд. зп.** – н.п. Болдово Zubovo-Полянского р-на РМ; **б. мрс.** – н.п. Большое Маресеево Чамзинского р-на РМ; **вrm.** – н.п. Вармазейка Большеигнатовского р-на РМ; **в. слщ.** – н.п. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского р-на РМ; **в. снч.** – н.п. Серхнее Санчелеево Ставропольского р-на Самарской обл.; **дгл.** – н.п. Дигилевка Большеберезниковского р-на РМ; **дрк.** – н.п. Дюрки Атяшевского р-на РМ; **игн.** – н.п. Большое Игнатово Большеигнатовского р-на РМ; **ич.** – н.п. Ичалки Ичалковского р-на РМ; **клс.** – н.п. Каласево Ардатовского р-на РМ; **крж.** – н.п. Киржеманы Атяшевского р-на РМ; **крк.** – н.п. Крюковка Zubovo-Полянского р-на РМ; **к. снф.** – н.п. Копрнь-Саньф Zubovo-Полянского р-на РМ; **лбс. ич.** – н.п. Лобаски Ичалковского р-на РМ; **л.цбв.** – н.п.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ НОМИНАНТОВ МОРДОВСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема составных слов всегда интересовала лингвистов. По поводу их имеются различные мнения. Так, А. Смирницкий, исходя из выдвинутых им критериев определения слов, считал, что всякое многословное образование следует признать сложным словом, если его компоненты или хотя бы один из них не являются словами (Смирницкий, 1951: 34-36). И.Е. Аничков полагал, что подобного рода сложные единицы обозначают одно понятие, не вытекающее из суммы значений отдельных слов, и предложил считать такие единицы составными словами (Аничков, 1963:153). В мордовском языкознании подобным сочетаниям научно обоснованный анализ дан Д.В. Цыганкиным (1981), считая их составными словами. Последние два подхода представляются нам более убедительными.

В данном сообщении нами представлены структурные типы номинантов, состоящие из двух компонентов, которые входят в одну тематическую группу – флористическую. Фактическим материалом для анализа послужила самостоятельно составленная автором картотека.

Фитонимы – составные слова выступают как единое структурное целое. Сколько бы компонентов они ни содержали, при функционировании сохраняется их семантическая целостность. Номинативная функция у них постоянная и единичная. Количество составляющих элементов может быть различным – два и более. Порядок их следования постоянен. Такое сочетание вычленяется из речи, не распадаясь на составные части. Каждый компонент, взятый отдельно, имеет своё значение, фонетически не деформирован и обладает ударением. И этим, как правило, они отграничиваются от сложных фитонимов. Например, крандаз тикше «пустырник» представляет собой терминологическое сочетание, которому свойственна идиоматичность.

Двукомпонентные образования составляют самую многочисленную группу, например: куконь понкст «ландыш», букв. «кукушка-штанина», эльде начко «конский щавель», букв. «кобыла-сырость», тюжа цеця «одуванчик», букв. «желтый цветок», туво нар «подорожник», букв. «свинья-луг», верьгизэнь пазава «папоротник», букв. «волк-икона», каза марькс «шиповник (куст)», букв. «козаягода», ведь кукшень «кувшинка», букв. «вода-кувшин», ведь нюрень «водоросль», букв. «вода-водоросль», лакштмарь «ежевика», букв. «трещать-ягода», варсиньбря «клевер», букв. «ворона-голова», дурак тикше «белена», букв. «дурак-трава», ватракш лопа (прп.) «водоросль», букв. «лягушка-лист», цир'ей лопа (б. мрс.) «подорожник», букв. «чирей-лист», э.л. овтонь баляга «подснежник», букв. «медведь-колокол», ат'акшон' морамро (блд.) «конский щавель», букв. «петух-пение», катка лапша (слщ. ич.) «герань», букв. «кошка-лапша», равжо ин'з'ей (прд.) «ежевика», букв. «черная малина», каров д'икше (ч. прм.) «валериана душистая», букв. «муха-трава».

Как правило, в номинантах, состоящих из двух компонентов, первый из них является дифференцирующим и выполняет релятивную функцию, а второй обычно соотносится с отдельными физическими характеристиками (цвет, величина и т. д.), или с местом произрастания, или с различными живыми существами и предметами. Эти фитонимы составляют основную массу мордовской ботанической терминологии. В большинстве своем их вторым компонентом выступают слова, которые обозначают родовое понятие, а первым — видовое. По структуре они могут быть различными, а наиболее активными являются следующие:

Тип «существительное в абсолютной форме + существительное»: э. д. ава лопа (клд.) «подорожник», букв. «женщина-лист», ин'з'ей куро (Цыганов, 1964: 186) «малина (куст)», букв. «малина-куст», ава т'ешт'е (ард. дбн.) «чемерица», букв. «женщина-звезда», пин'еме т'икше (мл.) «овсюг», букв. «овес-трава», ведун т'икше (ард. дбн.) «спаржа», букв. «ведьма-трава», л'агай лопа (ич.) «водоросль», букв. «лягушка-лист», топо сюкоро (Евсеев Р-267), «просвирник», букв. «творог-лешка»; м. д. ат'а палакс (сзг.) «крапива глухая», букв. «старик-крапива», кару т'икше (паев.) «душица», букв. «муха-трава», пин'еме р'апс (к. снф.) «сурепка», букв. «собака-репа», роз' панчф (прз.) «василек», букв. «рожь-цветок».

Тип «существительное в генитиве + существительное в номинативе». В такого рода названиях связь между словами — атрибутивная, т. е. первое слово выступает определением второго слова-номинанта, которое уточняется, конкретизируется с какой-либо стороны: э. д. кискан' панго (игн.) «мухомор», букв. «собаки гриб», букан' пуло (прк., дгл.) «чертополох», букв. «быка хвост», саразон' с'ел'ме (прм.) «бузина», букв. «курицы глаз», чейер'ен' кар'кс (вrm.) «выюнок», букв. «мышь веревка», каргын' кзнав (шгр.) «дикая вика», букв. «журавля горох», тувон' курго (блд.) «просвирник»,

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В данной статье постараемся обозначить сферы жизнедеятельности татарского языка в конце XIX – начале XX века, его функционирование в системе явлений, образующих сложнейшее целое — общественную жизнь татарского народа указанного периода.

До революции поволжские татары считались самым грамотным народом во всех регионах своего расселения. Такое положение являлось результатом активного функционирования татарского языка в некоторых важных для общественной жизни своего времени сферах. Бурное развитие получает художественная, педагогическая литература¹, появляется профессиональный театр.

На функционирование татарского литературного языка положительное влияние оказывает и то обстоятельство, что некоторым состоятельным лицам удается организовать частные типографии, в которых массовыми тиражами начинают печататься татарские книги, потребность в которых появляется у народа в результате относительно его высокой грамотности и развитости литературных норм языка².

Таким образом, татарский национальный литературный язык в конце XIX и начале XX вв. использовался на обширном регионе и в этот же период начинают формироваться и развиваются все его основные стили, заслуживающие главные сферы человеческого общения: общественно-публицистический, канцелярский, эпистолярный и др.

Идеологическим содержанием жизни татарского общества на протяжении многих веков являлся ислам, поэтому общество, прежде всего, было ориентировано на мусульманскую форму народного образования. У татар учебные заведения разделялись на два разряда: низший — мектеб и средний — медресе. Мектеб, как начальная школа, существовала при каждой мечети со своим приходом (махаллой).

Учебно-педагогический статус татарского языка в системе образования у татар в конце XIX – начале XX вв. был на уровне 1) обучения и 2) учебного предмета. Констатируя использование татарского языка в качестве языка обучения, важно учитывать, на каких образовательных ступенях это происходило. Татарский использовался в преподавании в конфессиональной (низшей и средней) школе, высшее образование на татарском не получило развития⁷.

Т.о. татарский язык в начале XX в. начинает преподаваться в качестве родного языка учащихся и в качестве языка обучения (с последним обстоятельством связано то, что в задачи преподавания входит совершенствование владения языком как средством общего образования).

Татарский народ, к концу XIX столетия консолидировавшийся в буржуазную нацию, в начале XX в. издавал два специальных журнала по экономике на татарском языке. Это «Россия саудаси»³, выходивший в г. Казани с 1912 по 1917 г. и «Икътисад», издававшийся в Самаре с 1908 по 1913 г.⁴.

В них, в соответствии с основными тематическими рубриками изданий, главным образом рассматривались вопросы торговли⁵, промышленности⁶, сельскохозяйственного производства, помещались сведения о природных богатствах, нашей страны. Особое значение придавалось национальной торговле⁷. Журналы информировали мусульман о каждом новом шаге наших соседей в сфере торговли и промышленности; освещалась история возникновения и развития экономической мысли; в них рассматривались насущные проблемы различных кампаний, агентств, товариществ; появлялись статьи, имеющие отношение к просветительству, религии, медицине, политике; размещались реклама, адреса и данные выставок, письма в редакцию, объявления редакции, праздничные поздравления, некрологи и т.д.

Следует подчеркнуть, в то время, когда многие ученые татары все еще не благоволили русскому языку, совсем другая картина наблюдалась среди татар торговцев, промышленников, которым по необходимости приходилось сталкиваться с русскими и заключать с ними договоры или условия не только устные, но и письменные. Чтобы познакомить своих соплеменников с русским языком, некоторые татары стали издавать для них самоучители, грамматики и словари на двух языках: татарском и русском⁸.

Язык функционирует и развивается в тесной взаимосвязи с обществом. Возникнув как историческая необходимость, он призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество. Вместе с тем он отражает состояние общества и активно способствует его прогрессу.

Избрание и участие татар в качестве депутатов (в рамках фракций по религиозному принципу) в Государственных Думах, позволяет рассматривать функциональное развитие татарского языка в политической сфере с учетом проблем билингвизма (двуязычия). В результате особенностей исторического развития с сер. XVI в., социальные функции татарского языка на уровне политического развития сужаются до переводческой деятельности.

Плохое или недостаточное знание определенной частью депутатов-мусульман русского языка

позволяло русским публицистам говорить о слабости мусульман интеллектуальными силами и незаметной роли их в Думе⁹. По свидетельству Фуада Туктарова: из шести депутатов «Мусульманской трудовой группы» трое не знают русского языка; один ни русского, ни татарского; все шестеро не способны написать по-русски ни строчки, а четверо полностью не понимают содержания выступления ораторов. Более того, большинство из них с трудом читают издаваемую ими же самими газету. Таким образом, единственным результатом деятельности членов этой группы стало кратковременное издание газеты и перевод на татарский язык некоторых брошюр, изданных русскими трудовиками¹⁰.

Мусульманских депутатов, больше всех не имевших европейского образования и плохо знавших русский язык, посылало население Туркестана и отчасти Волго-Уральского региона. Речь идет прежде всего о представителях мусульманского духовенства, которых насчитывалось около полутора десятка (15 человек), и крестьянства (5-10 человек, т.к. некоторые одновременно были муллами и занимались сельским трудом). Конечно же среди последних были люди весьма уважаемые, достойные и в целом образованные (например. Хади Атласов, Мухаммедшакир Рамиев, Абдерауф Карый), но их преимущества и достоинства оставались не востребованными в Думе, где требовались иные качества — юридическая подготовленность и компетентность, ораторские способности (а следовательно и хорошее знание государственного языка), четкая позиция и умение ее отстаивать и пр.¹¹. Т.о. фактическое положение татарского языка в условиях многоязычия соответствовал его «региональному» правовому статусу.

Следует подчеркнуть, новые сферы функционального развития и употребления языка появляются как результат развития общества. Совершенствование языка также происходит в процессе его употребления в обществе. Природа языка как общественного явления обусловлена его коммуникативной функцией. Таким образом, функциональное развитие языка зависит от развития самого коллектива людей, общества, говорящего на данном языке, от конкретно-исторических условий его существования, т.е. от социально-экономического уровня общества, уровня этнического его развития (племя, народность, нация), наличия или отсутствия государственности и ее форм, численности народа, компактности его расселения и характера социально-экономических и культурных связей с другими народами, а не только от наличия и давности литературных традиций.

Таким образом, определяющими состояниями функционального развития татарского языка в конце XIX – начале XX вв. можно назвать сферы организованного обучения, художественной и педагогической литературы, религии, экономики; такие среды как семейное, групповое, региональное общение и основная — литературная письменная, а также (общенародно-разговорная формы существования языка.

Литература

¹ *Насыри К.* Гакаид рисалэсе. — Казан, 1867, Кабуснамэ. Казан, 1881, Эхлак рисалэсе сэгырь. Казан, 1884, Утыз вэгазь. — Казан, 1890, Охлак рисалэсе кэбир. Казан, 1890, Тэрбия китабы. — Казан, 1891; творчество М.Акьегет, З.Бигиева, З.Нади, Ф.Халиди и др.

² *Закиев М.З.* Основные периоды функционального развития татарского национального языка / Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. — Казань, 1991. — С.6.

³ Отдельные номера журнала назывались «Торговля и промышленность России».

⁴ «Икътисад» 1910. - 11. - С. 322.

⁵ Икътисад журналының фэнни-библиографик курсэткече // Гасырлар авазы. — 2001. — 1/2. - 288-300 б.: Тижарэт. - 1908. - 1. - 11-12 б.; Тижарэт эшлэре. - 1908. - 1. -12-13 б.; Тижарэт кагыйдалэре. Тажир ничек улырга. — 1909. — 12. — 357-358 б.

⁶ Икътисад журналының фэнни-библиографик курсэткече // Гасырлар авазы. — 2001. — 1/2. - 288-300 б.: Санагать. - 1908. - 1. - 17-18 б.; Санагатьнен, эбэмияте. — 1908. -1. — 18 б.; Санагатьтэ тэрэкький. — 1908. — 1. — 19-20 б.

⁷ Икътисад журналының фэнни-библиографии курсэткече // Гасырлар авазы. — 2001. — 1/2. — 288-300 б.: Меселманнарда тэрэкький эсэрлэре. — 1908. — 3. — 95 б.; Ислам вэ икътисад. - 1909. - 1-2 б. Б.б.

⁸ *Катанов Н.* Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности татар ха XIX век. // Эхо веков. — 2001. — 1/2. — С. 177. Среди указанного типа изданий следует назвать: *Салихов М.* Самоучитель тараского языка. - Казань, 1893; *Насыри К.* Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892; *Ваганов А.* Русско-татарская азбука: с 1882 по 1916 годы переиздавалась 20 раз и др.

⁹ *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы "свободы совести". - С. 77. - Цит.: Из общественной хроники // Вестник Европы. - 1907. - 6. - С.857.

¹⁰ *Усал М.-Ф.* Беренче, икенче вэ еченче Думада моселман депутатлары Нам аларнын, кылган эшлэре. - Казан, 1909. - 62 б.

¹¹ *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы "свободы совести" в Государственной Думе России (1906-1917). - С. 56.

прообразов литературных персоналий художественных произведений и народного фольклора. К примеру, парикмахерская и салон красоты “**Артемиды**” (от греческого имени Артемиды – в греческой мифологии дочь Зевса, богиня охоты, покровительница рожениц). Данное название благозвучно, вызывает ассоциацию чего-то прекрасного и функционирует как намек на гарантию качества обслуживания салона, но с другой стороны для просвещенной аудитории использование имени богини охоты в качестве названия салона красоты может показаться нелепым.

Вторая разновидность имен собственных опирается на знания участников рекламного коммуникативного акта о реальных исторических личностях и событиях, в которых исторические персонажи проявили себя в определенном роде деятельности. Например, кафе “**Соембикэ**” от имени легендарной личности и известной всем татарам женщины Сююмбике, жены Казанского хана Сафа Гирея. Таким образом антропоним Сююмбике вызывает ассоциацию мусульманской женщины, преданной своему народу и способной на героический поступок (всем известная легенда о башне Сююмбике), что в свою очередь ассоциирует с понятием “хэлэл” (неоскверненный, чистый, богоугодный), т.е. название характеризует мусульманский уклон данного заведения. Также интересен оним “**Спартак**” — название обувной фабрики и сети фирменных магазинов. Данное коммерческое название является трансонимизированным антропонимом — именем вождя крупнейшего восстания рабов 73-71 до н.э. в Италии — Спартак (Spartacus). В этом примере трансонимизированный антропоним выполняет функцию коммерческой номинации, которая вызывает ассоциации с качественной и долговечной обувью.

В отдельную группу можно выделить онимы, которые не имеют связи с историческими личностями, но образованы от современных антропонимов, в частности женских имен. Такие названия магазинов как «**Алсу**» — магазин тканей, фурнитуры, «**Айгуль**» — магазин 24 часа, «**Рената**» — магазин продуктов, «**Альбина**» — магазин продуктов, «**Альфия**» — магазин стройматериалов. Выбор данных антропонимов основывается, видимо, на родстве хозяев с носителями данных имен, так как ассоциативно, либо по значению данные антропонимы не имеют смысловой связи с характером деятельности магазина. Интересны с точки зрения трансонимизации такие названия, как «**Дамир кибете**» («магазин Дамира»), «**Резеда кибете**» («магазин Резеды»), которые в качестве второго компонента имеют нарицательное существительное *кибет* с аффиксом принадлежности -е, вполне очевидно, что данные коммерческие названия образованы от имен владельцев (Дамир, Резеда). «**Габделфат**» **нашрият йорты** (издательский дом “Габделфат”) — это также трансонимизированное имя собственное. Габделфат Сафин — известный татарский певец, который выпускает свою газету, занимается также и издательской деятельностью.

Таким образом, современная реклама использует всё многообразие трансонимизированных антропонимов. В качестве культурных знаков такого типа выступают имена авторов художественных произведений, литературных персонажей, божеств, исторических деятелей и современных известных личностей, а также наряду с ними антропонимы широко распространенные в настоящее время.

Литература

Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р.Галиуллина. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. — 352 с.

Кузьменкова Ю.Б. Адекватный перевод рекламы как одна из проблем межкультурной коммуникации / Ю.Б.Кузьменкова, А.П.Кузьменков // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2003. - № 1. — С.49-54

Соболева Т.А. Товарные знаки / Т.А.Соболева, А.В.Суперанская. — М.: Наука, 1986. — 176 с.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И.Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.

Яковлева О.Е. Семиотические типы прагматонимов современного русского языка (на материалах номинаций продуктов питания): Автореф. ... канд. дис. / О.Е.Яковлева. — Новосибирск, 2006. — 22 с.

Ясавеева Э.Р. Имена собственные в рекламном дискурсе : Автореф. ... канд. дис. / Э.Р.Ясавеева. — Тверь, 2004.

ТРАНСОНИМИЗИРОВАННЫЕ АНТРОПОНИМЫ В ТАТАРСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Современный человек находится в состоянии непрерывной рекламной коммуникации, поскольку на него обрушивается лавина рекламных сообщений из газет, радио, телевидения, уличных рекламных щитов и т.д. Ввиду широкого и повсеместного использования СМИ рекламные тексты неизбежно становятся предметом изучения специалистов самых разных областей – маркетинга и менеджмента, социологии и психологии, культурологии и журналистики. Разумеется, это относительно новое (в его современных формах) для России в целом, и Татарстана в частности, языковое явление не может не привлечь и внимание филологов.

Самая основная функция рекламы – донесение до потенциального потребителя информации о товаре. Данный принцип лежит в основе классификации рекламы по воздействию на аудиторию: различают рекламу потребительских товаров, бизнес-рекламу, рекламу для оптовиков, рекламу, рассчитанную на определенные профессиональные (социальные) группы. По широте охвата аудитории выделяют: международную рекламу (т.е. рекламу, направленную на международные рынки), национальную рекламу (её действие ограничивается отечественным потребительским рынком), рекламу местного значения (городского, районного). В данной статье мы затронем рекламу местного значения, т.е. рассмотрим татарские рекламные тексты из республиканских СМИ.

Собственные имена не имеют непосредственной связи с понятиями, зато способны вызвать множество разнообразных ассоциаций, а это и требуется для словесного товарного знака либо названия организации. Собственные имена в составе рекламных текстов составляют весьма своеобразный слой естественной лексики. Как известно, собственные имена очень разнообразны по своему происхождению и назначению. Для того чтобы вызывать определенные ассоциации, нужны имена с достаточной известностью. К таковым относятся имена личные и географические названия, а также фамилии всемирно известных людей, имена мифологических персонажей, названия произведений литературы и искусства [Соболева: 1986, 85].

В рекламных текстах особо популярными являются единицы, образованные путем трансоимизации антропонимов, т.е. созданные посредством употребления существующего антропонима в новой для него функции.

Семантическая природа антропонима весьма своеобразна. Г.Р.Галиуллина рассматривает специфику лексического значения антропонима выделяя три компонента семантической структуры слова: денотат, сигнификат и коннотат [Галиуллина: 2008, 45]. В отличие от нарицательных имен денотат имени позволяет выделить субъекты из общей группы и больше проявляется при соотношении с конкретным человеком. Что касается второго компонента семантической структуры – сигнификата, то сигнификативное значение антропонима в основном сводится к тому, что оно становится отражением нашего знания о субъекте только и всего. Коннотативный же компонент не входит непосредственно в лексическое значение слова, но довольно устойчив для данного языкового сообщества и является отражателем культурной традиции народа. Для того, чтобы имя обладало коннотативным содержанием, необходимо наличие контекста, в рамках которого собственное имя семантически расширяется, начинает обладать объемной внутренней формой и приближается к нарицательным именам.

В процессе перехода в другой разряд собственных имен, антропоним теряет вышеназванные свойства. Подтипу трансоимизированных антропонимов свойственны явления вторичной денотации и вторичной сигнификации, которые заключаются в установлении не имеющим первичного сигнификативного значения именем собственным опосредованной (через внеязыкового носителя) связи с понятием. По мнению Яковлевой, такой тип собственных имен не отражает референта, трансоимизированные антропонимы лексически неполноценны, «ущербны» по своей природе. [Яковлева: 2006, 12].

По Р.Э.Ясавеевой имена собственные в семиотическом пространстве рекламной дискурсии представлены в следующей разновидности: имена собственные литературные (мифологические) и имена собственные исторические [Ясавеева: 2004]. Мы взяли данную классификацию за основу нашего разбора трансоимизированных антропонимов. Первая разновидность – архетипические имена собственные – коррелирует с информативной составляющей рекламных коммуникатов, опирающихся в функциональном и содержательном плане на литературные знания их прототипов,

ОГУЗСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

Татарский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Однако отнесение того или иного языка к той или иной группе не означает, что данный язык абсолютно лишён особенностей, характерных для другой группы языков. Целью данной статьи является выявление огузских элементов во фразеологизмах татарского языка. В отдельных диалектах татарского языка отражён ряд специфических черт огузской группы. Во фразеологии татарского языка так же просматриваются следы огузского влияния в силу сохранения устойчивой формы данных единиц на протяжении веков. Предположение о наличии огузского компонента в диалектах татарского языка высказывалось в своё время Н.К. Дмитриевым, Л.Т. Махмутовой, М.М. Нигматулловым и др.

Как известно, использование огузских элементов наблюдается на всех этапах развития старотатарского литературного языка. Каналы проникновения огузских элементов в татарский язык не одинаковы. «Одни из огузских элементов имеют генетические истоки; другие – проникли в результате определённого влияния смешанного огузо-кыпчакского (или золотоордынского-хорезмского) литературного языка, сформировавшегося в XIII- XIV вв.; третья, незначительная часть связана с османско-турецким влиянием конца XIX – начала XX в.» [Нигматуллов 1986: 89].

Известно, что примерно до XI века языки кыпчакских и огузских племён находились под сильным взаимным влиянием благодаря общности территории племён. Так, свод слов «Дивани лугат-ит турк» Махмута Кашгарлы, датируемый XI веком, содержит смешанные огузо-кыпчакские черты. Данный факт свидетельствует в пользу генетических истоков проникновения огузских элементов в кыпчакскую группу.

С XVII–XVIII вв. начинается интенсивное проникновение в старотатарский литературный язык огузского компонента в результате османско-турецкого влияния. Это влияние было обусловлено конкретными социально-историческими предпосылками – активизацией культурно-экономических, а также дипломатических отношений Поволжья с Турцией и Ираном (Азербайджаном) [Нигматуллов 1983: 156; Хисамова 1990: 35].

Во второй половине XIX века османско-турецкое влияние особенно усиливается, так как в этот период среди татар начинают распространяться идеи просветительства, заимствованные из Турции [Хаков 1972: 58]. Следует отметить, что к середине XIX века классический старотатарский письменный литературный язык представлял собой смешанный язык с элементами арабского, персидского, чагатайского и османско-турецкого языков.

В конце XIX - начале XX вв. в произведениях ряда татарских писателей наблюдается активное употребление огузских, в частности османско-турецких языковых элементов. Данное явление объясняется, во-первых, продолжением влияния древнетюркских и старотатарских письменных традиций. Во-вторых, в этот период османская литература совершенствовалась, в то время как чагатайская в Средней Азии постепенно шла к закату. Происходила невольная «османизация» татарских писателей, стремившихся получить образование в учебных заведениях Турции. В-третьих, в активизации огузского компонента в татарском литературном языке определённую роль сыграло также распространение среди татар идей тюркизма – общественно-политического и культурного движения, основоположником которого был Исмаил Гаспринский [Мирхаев 2007: 12-13]. В основе этого движения лежит концепция об общетюркском литературном языке, которая и повлияла на языковую ситуацию в Поволжье данного периода.

Итак, в конце XIX века в старотатарском литературном языке активизируются некоторые эпизодические появлявшиеся ранее огузские элементы, а также утверждаются новые – османско-турецкие. Таким образом постепенно формируется новый вариант старотатарского литературного языка с преобладанием в нём огузского компонента. После революции 1905-1907 гг. османско-турецкое влияние несколько ослабевает, и огузо-турецкие языковые элементы постепенно выпадают из употребления.

Несмотря на довольно короткий период своего существования огузско-турецкий вариант татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв. всё же сыграл важную роль в истории татарского народа и истории татарского языка. Огузские элементы можно встретить на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом. Мы решили проследить наличие огузского компонента во фразеологии татарского языка. За основу был взят фразеологический словарь татарского языка Н.Исанбата.

На фонетическом уровне были выявлены следующие фонетические особенности как йоканье,

который «ряд тюркологов (Э.Р. Тенишев, Н.З. Гаджиева, Т.М. Гарипов) считают огузской чертой» [Нигматуллов 1986: 92]. Например, *ана йоны – тонкие волосы на лице и теле человека; арага елан керу – змея прокралась между нами (о враге); артыңны жъиеп йөр – будь осторожен; жъылан (елан) аягын кискән – старый волк*. Данное фонетическое явление, однако, вызывает споры, так как речь может идти о различных диалектах татарского языка, в частности мишарском диалекте.

На лексическом уровне методом сплошной выборки нами были выявлены следующие примеры. Так, например фразеологизм *авызыңа бал да ю* применяется по отношению к человеку, принёсшему радостную весть. К.Насыри считает, что данное выражение возникло из выражения «бал **яумак**», а слово **жсау (яу)** имеет значение «бал», т.е. мёд. Однако, слово «**яу**» используется в значении древнего слова «**йаг**», т.е. «**май**» - **масло**. Отсюда выражение *күзнең явын алып тора* означает «что-то очень яркое и красивое», т.е. *күзнең маен алып тора; авызыңа баллы ю* [Исанбат 1989: 25]. Была выявлена также следующая лексика огузского происхождения или заимствованная от огузов: *авызына кергәннен эт жчимәс (ашамас); агар су; адам баккысыз; аймылышка яңгылыш; ант эчү; арабыздан жыл какмый, капкабыздан эт бакмый; аркылыга-буйга гизү; ачы икмәк; баг алмасы; бактың исә; бер элгәре, биш кире; бил бәйләп (баглап) керешү; борын күтәрү (чөю); йөз чөю; бәхет ишеге (капусы) ачылу; дөнъя гизгән; дөядән биексен, колагы хәтле хасиятең юк; елдырым камчысы; зар-зар еглау (аглау, аглашу); йөз дүндерү; йөзе ак, алыны ачык (кулы ачык), йөрәкне даглау, капкасыннан эт бакмый, карышып каткан, кердек кичәсе; кулай кеше; кыз багу; кызыл фәсле малай; кыл бурдагынан килү; күзләрен чагырайту; күз тегеп багу; күлдән шурпа эчкән, күпне күргән; күңел баглау; күңелем багы; күңел имрәнү; күңел кану (кандыру); күңелне имрәтү; күңелнең нечкә кылларына тукуыну; муенга элмәк салу; мәмнун улу (булу); намуска тию (тукуыну); парлак көннәр килү; саглам казыкка баглау; салам астынна су йөргезү (йөрту); су анасы кебек гүзәл; сүзегез берексен; тауны ташка түнтәрү; та азалдан бирле; тегермән, артыңны жсиргә тигермәм; тел төбе кортлы; туа-туганнан бирле; тутай ылань; тәвәне төге белән йотар; тәпәләп ташлау; төймәдән тәвә ясау; төнне көнгә түнтәрә; төртсәң түнәрлек, әйтсәң көләрлек; төтен эчу, төтен чигү; түземе (түземлеге) төкәнү; угылын ырумга, кызын кырымга китсен; уйдырма кору; унга-сулга бакмый; фәсле малай; чиркен кыяфәттә; чуеннын ундүртенче кичәсе кебек; чырае сары киселү; чүпкә дә саймау (санамау); шыйк кию (күрсәтү); ямау кечек, тишек зур; әвәрә булып йөрү; әлегә дә баягы; әллә угры, әллә тугры; аләм чигү; әрдәнәсе жсимерелү; әфәнде капчыгы; өмет баглау; өркә торган куян түгел; үз атын үзенә алышкан; әбиеңә салам әйт, бабаң (әтиң) утырмага килсен!; язмыш кушуы буенча; тормыш диңгезе и др.*

Следует отметить, что часть данной лексики с огузским компонентом активно используется в татарском языке (например *гизү, гүзәл, бакмак, кечек, углы, йөз чөеру, баглау, тугры, язмыш* и т.д.) и внесла определённый вклад в формирование лексики современного татарского языка. Среди этой лексики присутствуют: 1) глагольные основы (*гизү*), 2) слова с аффиксом –*дык*, в которых сохранились следы существования древнеогузского причастия на –*дык*: *элдек*, 3) слова с аффиксом на –*мыш*, в которых как и форма на –*дык* древняя причастная форма на –*мыш* перешла в разряд имен или сохранена в устойчивых словосочетаниях (*язмыш*), 4) собственно лексика (*алын, гүзәл*).

На грамматическом уровне были выявлены следующие особенности. Огузское влияние наблюдается и в формировании падежа. Во фразеологии татарского языка он носит смешанный характер, т.е. присутствуют два типа падежного склонения тюркских языков: кипчакский и огузский. Наряду с аффиксами –*га/-гә* направительного падежа употребляются также их огузские варианты – (*й*)*а/-*(*й*)*ә*. Например, *актык тамчы каньма кадәр; анадан имгән сөтем борыныма килде; башны кая каярга белмәү; башыма кернә булды инде; берниемә дә ярамый; үрә сикеру*. М.М.Нигматуллов такие именные формы как *кая* называет реликтами огузских палежных форм.

В формировании формы настоящего времени именного сказуемого во фразеологии татарского языка также есть свои особенности. Она формируется при помощи аффиксов, которые присоединяются к имени, как и в огузской группе языков. Так, например, *син төлке булсаң, мин койрыгымын; тәшәккәрдән гажизмен; өч көн якмаган мичкә керергә разыймын; дөядән биексен, колагы хәтле хасиятең юк; ни әйтерең бар; мин сөйлимен пирегә, пире сөйли кирегә*.

Огузские элементы проявляются на грамматическом уровне и в форме будущего времени на –*ачак*, которая прочно вошла в современный татарский литературный язык. Например, *алда булачак туй өчен хәзердән биеп тору; киләчәк* буын; *күрәсегә (күрәчәккә) каршы*. Следует заметить, что она является одной из тех огузских форм, которая и ныне употребляется в современном татарском литературном языке [ТГ: 122]. Форма на –*мыш* может выступать в значении деепричастия или имени действия, реже в значении времени. Например, *алланын бирмеш көне, белмамешкә (күрмамешкә) салыну; дашмеш кеше; ишетмамеш-белмамеш булып утыру; картаймыш көндә; кем әйтмешли; кырыкмыш суган; кырыкмыш*

тай шикелле койрык чәнчеп чабу; көн күрмеш; язмыштан узмыш юк и мн. др.

Во фразеологии татарского языка также были выявлены слова на –*дык*, –*ынча* которые сохранили следы существования древнеогузского причастия на –*дык* и –*ынча*: *искелек калдыгы; белдекле кеше; белдекләнгән булу; белдек сату; булдыксыз кеше; дерелдек тоту; дуылдык сакал; дыдык кеше; иркә песи – диңгылдык; кабындык телле; ташландык кизләү; хәл кадәре, хәл кадәрәнчә; хәллә хәленчә, хәлдә барынча, хәле барынча, хәл кадәрәнчә; ымдык яңгыр; үз белдеге белдек*.

Во фразеологии татарского языка сохранились лексикологизовавшиеся причастия на –*малы* (*акыл ирешмәле түгел, акыл ирешмәслек; аумалы да тәүмәле; бармалы да кайтмалы (кеше); ис-акыл китмәле; шаклар катмалы; әйтмәле дә кайтмалы*). Данная форма, принимая личные аффиксы, имеет значение долженствования в огузских языках. Форма желательного наклонения с аффиксами 1-го лица ед.числа –(*й*)*айым/-*(*й*)*әйим*, не характерная для татарского языка, употреблялась также в староосманском языке [ЯМТЯ: 121]. Были выявлены следующие примеры: *бал бирием үзеңә, балкып чыксын йөзеңә; күз тиермәгәем; таиш булып катыем*.

Неличная форма глагола на –*мак/мәк* не свойственна кипчакской группе языков, в том числе татарскому. Однако нами были выявлены фразеологизмы на –*мак/мәк* вместо традиционной формы на –*арга/-әргә*: *авызлыкламакчы булу; алмакка бар, бирмәккә юк; биткә сыдырмак; боермак сездән, йөгермәк бездән; гүр иясе булмак; ишек бавы басмак; үлмәктән калмак; нихәл итмәк кирәк, нитмәк кирәк; нишләмәк кирәк; кысмакка алу; улбу булу (дилмәктән); хәтер калмак бер калҗа, хәтер тапмак мең калҗа* и др. Значение инфинитива реализуется также в формах на –*мага*, для которой характерно только зависимое употребление (*утырма(га)килу (бару); әбиеңә салам әйт, бабаң (әтиң) утырмага килсен; имәгә йомишак, күтәрмәгә тәбәнәк*).

В изученных нами фразеологизмах наряду с кипчакскими формами употребляются и личные формы глагола, характерные для огузских языков: форма прошедшего времени на –*р иде*, –*мас иде*. Эта форма активно употреблялась в древних письменных памятниках в виде –*р эрти* [Кононов 1980: 191, Насилов 1960: 65]. Следовательно есть основание считать их одними из древнейших форм прошедшего времени. Например *барыбер булса ишектән йөрмәсләр, тәрәздән йөрерләр иде; бер күрмәскә әллә ни бирерсең (бирер идем); дөнҗә жәннәт булыр иде; таиш елар иде и др.*

Таким образом, татарский язык будучи по своим ведущим фонетическим и грамматическим признакам кипчакским, обнаруживает на фразеологическом уровне целый ряд огузских элементов. Некоторые из них были изложены в рамках данной статьи. Выявлению огузских элементов в татарском языке будет также способствовать привлечение обширного материала по другим родственным тюркским языкам, чувашскому, башкирскому и т.д.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка (на татарском языке). – Казан: Тат.кит.нәшр., 2001. – 272 б.
2. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 243 с.
3. Насилов В.М. Язык орхон-енисейских памятников. – М.: Изд-во вост.лит., 1960. – 87 с.
4. Нигматуллов М.М. Роль и место огузских элементов в истории развития татарского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1983. – 223 с.
5. Мирхаев Р.Ф. Огузско-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX вв.). – Казань: Минитипография ИПИ АН РТ, 2007. – 208 с.
6. Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков: Сб. статей. Уфа: БФАН СССР, 1986. – 166 с.
7. Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше. – Казан: Тат. Кит. Нәшр., 1972. – 221 б.
8. Языки мира. Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – 544 с.
9. Sevan Nişanyan ‘Sözlerin Soyağacı. Çağdaş Tütkçenin Etimolojik Sözlüğü’- İstanbul: 2002. – 721 s.